ИГОРЬ НОВИЦКИЙ

ЦИФРОВАЯ ТАНАТОПСИХИАТРИЯ

Психиатрия цифровой непрерывности личности

18+

Игорь Новицкий

Цифровая танатопсихиатрия. Психиатрия цифровой непрерывности личности

«Автор»
2026

Новицкий И. Я.

Цифровая танатопсихиатрия. Психиатрия цифровой непрерывности личности / И. Я. Новицкий — «Автор», 2026

Монография посвящена формированию нового научного направления на пересечении психиатрии, психологии утраты, искусственного интеллекта, философии личности и биоэтики. В центре исследования — принципиально новая ситуация, возникающая в истории человечества: возможность сохранения и интерактивного воспроизведения психологических особенностей человека после его биологической смерти.Рассматривает каким образом цифровые реконструкции личности изменяют традиционные представления о смерти, памяти, горевании, привязанности и человеческой идентичности. Анализируются психологические механизмы взаимодействия с цифровыми образами умерших, потенциальные терапевтические возможности подобных технологий, риски формирования патологической зависимости, нарушения адаптации и возникновения новых психопатологических феноменов. В работе предлагается концепция психологической непрерывности личности, разграничивающая сохранение индивидуальной психологической организации и продолжение субъективного сознания.

© Новицкий И. Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
Почему XXI век впервые меняет психологию смерти 6
Научная новизна исследования 8
Предмет, объект и методы исследования 10
Основные понятия новой дисциплины 12
ВВЕДЕНИЕ 14
Смерть как психологический феномен 14
Что изменилось впервые за всю историю человечества 15
Почему психиатрия должна готовиться уже сегодня 17
Формирование новой научной программы 19
ЧАСТЬ I История смерти в психологии и психиатрии 21
Глава 1. Смерть как универсальный феномен человеческой психики 21
Глава 2. История переживания утраты 26
2.1. От первобытных ритуалов до современной психотерапии 26
2.2. Религия как первая психотерапия смерти 27
2.3. Культурные модели переживания горя 29
2.4. Эволюция памяти об умерших 30
Глава 3. Психология горевания 32
3.1. Классические модели переживания утраты 32
3.2. Психоаналитическая концепция работы горя 33
3.3. Когнитивные модели 34
3.4. Теория продолжающихся связей 35
3.5. Ограничения существующих моделей 36
Глава 4. Психиатрия утраты 38
4.1. Нормальное горевание 38
4.2. Патологическое горе 39
4.3. Депрессия после утраты 40
4.4. Психотические реакции 41
4.5. Суицидальный риск 43
ЧАСТЬ II Возникновение цифровой личности 45
Глава 5. Цифровая революция личности 45
5.1. Почему человек начал оставлять цифровой след 45
5.2. Цифровой архив жизни 46
5.3. Социальные сети как новая форма памяти 47
5.4. Искусственный интеллект как хранитель личности 48
Глава 6. Психический паспорт человека 50
6.1. Цифровой психический профиль 50
6.2. Цифровой фенотип личности 51
6.3. Архитектура цифровой идентичности 52
6.4. Математическая модель личности 53
6.5. Психпаспорт как основа цифрового продолжения личности 54
Глава 7. Технологии цифрового продолжения личности 56
7.1. Большие языковые модели 56

7.2. Синтез речи 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Игорь Новицкий
Цифровая танатопсихиатрия. Психиатрия цифровой непрерывности личности

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему XXI век впервые меняет психологию смерти

На протяжении всей известной истории человечества смерть оставалась одной из немногих абсолютных констант человеческого существования. Менялись цивилизации, религии, политические системы и научные представления о мире, психологическая структура утраты сохраняла удивительную устойчивость. После смерти человека прекращалось не только его биологическое существование, но и возможность дальнейшего взаимодействия с ним. Эта необратимость формировала фундаментальную основу всех известных моделей переживания горя. Психика постепенно принимала отсутствие другого человека, перестраивала систему привязанностей и училась существовать в новой реальности, где умерший оставался лишь в памяти, символах и воспоминаниях.

Начало XXI века впервые поставило под сомнение это исходное положение. Развитие искусственного интеллекта, больших языковых моделей, генеративных технологий, цифровых архивов личности, синтеза речи, фотореалистичных аватаров и гуманоидной робототехники создает принципиально новую ситуацию, в которой биологическая смерть перестает автоматически означать прекращение психологического взаимодействия. Пока подобные технологии находятся на ранних этапах развития и далеки от полного воспроизведения личности человека, они уже позволяют формировать цифровые модели, способные поддерживать осмысленный диалог, воспроизводить индивидуальные особенности речи, манеру общения, биографическую память и характерные способы принятия решений. Впервые за всю историю человеческой культуры возникает возможность сохранять не только память об умершем, но и иллюзию продолжающегося общения с ним.

Подобная ситуация не имеет прямых исторических аналогов. Фотография сохранила лицо умершего, кинематограф - его движения, звукозапись - голос, цифровые технологии - огромные массивы информации о жизни человека. Искусственный интеллект делает следующий шаг: он превращает накопленные сведения в динамическую модель поведения, способную отвечать на вопросы, поддерживать разговор и постепенно адаптироваться к новым ситуациям. В результате память приобретает свойства взаимодействия, а архив начинает имитировать присутствие. Между отсутствием и присутствием возникает промежуточная форма существования, которая не укладывается в привычные категории жизни и смерти.

Перед психиатрией открывается круг вопросов, не возникавших ни перед одним предыдущим поколением исследователей. Что происходит с процессом горевания, если объект утраты продолжает психологически присутствовать в жизни семьи? Каким образом изменяются механизмы привязанности, сепарации и адаптации? Может ли постоянное взаимодействие с цифровым аватаром облегчать переживание утраты или, напротив, препятствовать ее интеграции? Существуют ли границы безопасного использования подобных технологий? Возникают ли новые формы зависимости, нарушения адаптации или трансформации семейной

системы? Эти вопросы уже невозможно считать исключительно философскими, поскольку развитие технологий постепенно переводит их в сферу клинической практики.

Особое значение приобретает необходимость различать цифровую модель личности и саму личность. Ни одна современная технология не позволяет утверждать, что после смерти человека продолжается его сознание или субъективный опыт. Цифровой аватар представляет собой вероятностную реконструкцию поведения, построенную на совокупности прижизненных данных. Он способен воспроизводить стиль мышления, речевые особенности и индивидуальные реакции, это не делает его тождественным умершему человеку. Игнорирование данного различия создает серьезные методологические, этические и клинические риски, которые требуют особенно осторожного анализа.

Центральная гипотеза настоящей работы состоит в том, что человечество вступает в эпоху расхождения биологической смерти и психологического прекращения взаимодействия. На протяжении тысячелетий эти два события практически совпадали, формируя устойчивую структуру человеческой культуры, семейных отношений и процессов переживания утраты. Искусственный интеллект впервые создает условия, при которых психологическое взаимодействие может сохраняться после биологической смерти в форме цифровой реконструкции личности. Если эта тенденция получит дальнейшее развитие, психиатрии, клинической психологии, психотерапии, биоэтике и праву предстоит пересмотреть ряд фундаментальных представлений о природе утраты, памяти, привязанности и человеческой личности.

Научная новизна исследования

На протяжении всей истории психиатрии процесс переживания утраты изучался в условиях, когда биологическая смерть практически совпадала с прекращением психологического взаимодействия между умершим и живыми. Эта предпосылка настолько глубоко встроилась в научное мышление, что редко становилась предметом самостоятельного анализа. Большинство существующих концепций горевания, независимо от их теоретической принадлежности, опираются на представление о необратимом исчезновении объекта привязанности из пространства непосредственного общения. Искусственный интеллект впервые ставит под вопрос универсальность этого допущения, создавая возможность длительного взаимодействия человека с цифровой реконструкцией личности умершего. Данное обстоятельство не опровергает существующие теории горя, но указывает на пределы их применимости в новых технологических условиях.

Новизна настоящего исследования определяется попыткой сформулировать новый объект психиатрического анализа. В центре внимания находится не цифровая технология как инженерная разработка и не философская проблема бессмертия сознания, а психика человека, продолжающего взаимодействовать с цифровой моделью умершего после его биологической смерти. Подобная постановка вопроса практически отсутствует в современной психиатрической литературе и требует создания самостоятельного понятийного аппарата, позволяющего описывать возникающие клинические, психологические и социальные феномены.

В работе выдвигается исследовательская гипотеза о возможном расхождении биологической смерти и психологического прекращения взаимодействия как новом антропологическом условии существования человека. До настоящего времени эти два процесса рассматривались как практически совпадающие. Цифровые технологии создают предпосылки для их постепенного разделения. Если психологическое взаимодействие сохраняется посредством цифрового аватара, то предметом научного анализа становится уже не только переживание отсутствия, но и переживание нового типа присутствия, не имеющего исторических аналогов. Эта гипотеза требует эмпирической проверки и не рассматривается в книге как установленный факт, она определяет направление дальнейшего исследования.

Значительная часть научной новизны связана с разработкой исследовательского языка, способного описывать феномены, для которых пока отсутствуют общепринятые определения. В монографии предлагаются рабочие понятия, такие как «цифровая непрерывность личности», «цифровое продолжение личности», «цифровое горевание», «синдром незавершенной цифровой утраты», «патологическая цифровая привязанность», «цифровая мемориальная психотерапия» и ряд других терминов. Каждый из них рассматривается не как окончательная дефиниция, а как исследовательская конструкция, предназначенная для последующей клинической проверки, уточнения и возможного пересмотра по мере накопления научных данных. Такой подход позволяет избежать преждевременной догматизации новой области знания и сохранить открытость научной дискуссии.

Принципиальное отличие настоящей работы заключается также в отказе рассматривать искусственный интеллект исключительно как объект цифровой медицины или инструмент автоматизации психиатрической помощи. В книге анализируется значительно более широкий круг вопросов, связанных с трансформацией самой структуры человеческих отношений. Центральной становится идея о том, что технологические изменения способны влиять не только на способы диагностики и лечения психических расстройств, но и на базовые психологические механизмы памяти, привязанности, сепарации, семейной идентичности и переживания смерти. Подобный уровень анализа практически не представлен в существующих исследова-

ниях, которые чаще сосредоточены на технических характеристиках цифровых систем либо на отдельных этических аспектах их применения.

Еще одним элементом научной новизны является попытка объединить в рамках единой концепции достижения психиатрии, клинической психологии, психотерапии, философии сознания, биоэтики, права, информатики и исследований искусственного интеллекта. До настоящего времени эти направления преимущественно развивались независимо друг от друга, что затрудняет комплексное понимание возникающих феноменов. Междисциплинарный характер исследования обусловлен самой природой рассматриваемой проблемы, которая выходит за пределы компетенции любой отдельной науки и требует интеграции различных исследовательских подходов.

Если высказанные в книге предположения получат подтверждение в клинической практике и научных исследованиях, психиатрии, предстоит расширить собственный предмет. Наряду с изучением психических последствий смерти она будет исследовать психические последствия сохранения психологического взаимодействия после смерти. В таком случае объектом внимания станет не только переживание утраты, но и феномен новой формы отношений между живыми и цифровыми реконструкциями умерших. Эта перспектива определяет исследовательскую новизну настоящей монографии и задает направление дальнейшего развития обсуждаемой научной области.

Предмет, объект и методы исследования

Любое научное исследование начинается с определения того, что подлежит изучению. В классической психиатрии подобная задача обычно не вызывает существенных затруднений. Объектом анализа становятся психические расстройства, психические функции, особенности личности или закономерности их изменения под влиянием биологических, психологических и социальных факторов. Развитие технологий искусственного интеллекта ставит исследователя перед ситуацией, в которой традиционные границы объекта исследования начинают постепенно размываться. Возникает феномен, который нельзя полностью отнести ни к области психопатологии, ни к сфере цифровых технологий, ни исключительно к философии сознания.

Настоящая монография рассматривает объект исследования как систему психологических процессов, возникающих у человека в условиях сохранения цифрового взаимодействия с реконструированной моделью личности после биологической смерти ее носителя. Центральное значение имеет не техническое устройство цифрового аватара и не степень совершенства алгоритмов искусственного интеллекта. Исследование сосредоточено на психике живого человека, которая впервые в истории оказывается включенной в длительные отношения с цифровой моделью умершего. Изменение внутренней организации этих отношений образует новый объект психиатрического анализа.

Предмет исследования значительно уже объекта и определяется теми закономерностями, которые позволяют объяснить происходящие изменения. В центре внимания находятся механизмы переживания утраты, трансформация процессов привязанности, перестройка семейных отношений, изменение психологической адаптации и возможное формирование новых клинических феноменов, возникающих при взаимодействии с цифровыми реконструкциями личности. Книга не исследует искусственный интеллект как самостоятельный технический объект. Ее интересует влияние новых форм цифрового присутствия на эмоциональную, когнитивную и поведенческую организацию человека.

Подобная постановка вопроса требует выхода за пределы традиционного разделения наук. Ни одна существующая дисциплина не располагает достаточным понятийным аппаратом для полного описания рассматриваемого феномена. Психиатрия анализирует психические расстройства, но практически не исследует цифровое продолжение личности. Информатика создает технологии моделирования поведения, не оценивает их долгосрочное влияние на процессы горевания. Биоэтика рассматривает моральные последствия цифровых технологий, не претендуя на описание их клинических эффектов. Философия сознания обсуждает проблему личностной идентичности, но редко обращается к психиатрической практике. Исследование строится на пересечении этих областей знания, поскольку сам объект исследования уже не принадлежит исключительно ни одной из них.

Клинико-психопатологический анализ используется для оценки возможных изменений процессов горевания, адаптации, привязанности и формирования новых психических феноменов. При этом книга сознательно разграничивает описательные гипотезы и клинически подтвержденные факты. На сегодняшний день отсутствуют основания утверждать существование самостоятельных психических расстройств, связанных с цифровым взаимодействием с умершими. Обсуждаемые в работе синдромы и диагностические конструкции рассматриваются как исследовательские модели, требующие дальнейшей эмпирической проверки.

Феноменологический подход позволяет сосредоточить внимание на субъективном опыте человека, а не на технических характеристиках цифровой системы. Для психики определяющее значение имеет не то, каким образом функционирует алгоритм, а то, каким образом переживается встреча с цифровой реконструкцией личности. Один и тот же технологический

объект может вызывать совершенно различные эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции в зависимости от индивидуального опыта, структуры личности, характера привязанности и обстоятельств утраты. Субъективное переживание становится отправной точкой психиатрического анализа.

Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления современной технологической ситуации с предшествующими этапами развития человеческой культуры. История показывает, что появление фотографии, кинематографа, звукозаписи, цифровых архивов и социальных сетей постепенно изменяло способы сохранения памяти об умерших. Искусственный интеллект рассматривается как следующий этап этой эволюции, не как ее количественное продолжение, а как качественный переход к интерактивным формам психологического присутствия. Такое сравнение позволяет определить, какие изменения действительно являются принципиально новыми, а какие продолжают уже существующие культурные тенденции.

Объектом настоящего исследования выступает психика человека в условиях цифрового продолжения межличностного взаимодействия после смерти, предметом - закономерности трансформации процессов горевания, привязанности, адаптации и формирования новых клинических феноменов, а методологической основой - интеграция клинико-психопатологического, феноменологического, историко-сравнительного, философского, биоэтического и правового анализа. Такая исследовательская конструкция отражает стремление не только описать возникающие изменения, но и сформировать научную платформу для их последующего эмпирического изучения.

Основные понятия новой дисциплины

В центре предлагаемой концепции находится психиатрия цифровой непрерывности личности - междисциплинарное направление психиатрической науки, изучающее психические процессы, клинические феномены, закономерности адаптации и возможные психические расстройства, возникающие у человека в условиях сохранения психологического взаимодействия с цифровой реконструкцией личности после биологической смерти ее носителя. Предметом данной дисциплины являются не цифровые технологии сами по себе, а их влияние на переживание утраты, структуру привязанности, семейные отношения, формирование идентичности и долгосрочную психическую адаптацию. Тем самым психиатрия цифровой непрерывности личности расширяет традиционный предмет психиатрии смерти, включая в него новую форму человеческого опыта - существование отношений, продолжающихся после биологического прекращения жизни.

В качестве альтернативного, более специализированного обозначения данной области предлагается термин цифровая танатопсихиатрия. Под ним понимается раздел психиатрии, исследующий влияние технологий цифрового воспроизведения личности на психологические и психопатологические процессы, связанные со смертью человека. Если психиатрия цифровой непрерывности личности охватывает весь спектр психических последствий цифрового продолжения личности, то цифровая танатопсихиатрия концентрируется преимущественно на феноменах утраты, горевания, памяти, привязанности и постсмертного взаимодействия. Оба понятия рассматриваются как взаимодополняющие, а не конкурирующие научные конструкции.

Фундаментальным понятием новой дисциплины является цифровая непрерывность личности. Под данным термином понимается сохранение возможности психологического взаимодействия между живыми людьми и цифровой реконструкцией личности после биологической смерти человека. При этом речь не идет о сохранении сознания, субъективного опыта или биологической жизни. Цифровая непрерывность описывает исключительно возможность поддержания осмысленного межличностного взаимодействия посредством цифровой модели, воспроизводящей индивидуальные особенности речи, поведения, памяти и коммуникативного стиля умершего.

Совокупность технологий, обеспечивающих функционирование подобных моделей, образует феномен цифрового наследия личности. Под цифровым наследием понимается весь массив информации, который остается после человека в цифровой среде и может быть использован для последующей реконструкции его индивидуальности. В отличие от традиционного юридического понимания наследства цифровое наследие включает не только документы, фотографии и видеозаписи, но и речевые паттерны, цифровую переписку, интеллектуальные продукты, особенности коммуникативного поведения и иные элементы персональной цифровой биографии.

Появление цифровых реконструкций личности создает предпосылки для возникновения качественно новой формы межличностных отношений, обозначаемой в настоящей работе как цифровое посмертное взаимодействие. Под данным термином понимается устойчивая система общения между живым человеком и цифровой моделью умершего, сопровождающаяся субъективным переживанием сохранения отношений. Цифровое посмертное взаимодействие рассматривается как центральный психологический феномен новой дисциплины, поскольку оно принципиально отличается как от внутреннего диалога с образом умершего, так и от традиционных ритуалов памяти.

Изменение характера взаимодействия закономерно приводит к трансформации процессов переживания утраты. Для описания этой новой формы адаптации предлагается понятие

цифрового горевания. Оно обозначает процесс психологической переработки смерти близкого человека в условиях продолжающегося общения с его цифровой реконструкцией. При этом сохраняется открытым вопрос, способствует ли подобная форма взаимодействия более благоприятной адаптации или, напротив, препятствует естественной интеграции утраты. Монография рассматривает оба сценария как равновероятные исследовательские гипотезы.

В структуре цифрового горевания особое место занимает феномен цифровой утраты. Если традиционная утрата предполагала полное прекращение непосредственного взаимодействия, то цифровая утрата характеризуется сохранением психологического контакта при невозможности восстановления биологического существования человека. Объект утраты одновременно остается и отсутствующим, что создает принципиально новую форму психологического конфликта, ранее практически неизвестную клинической психологии.

Продолжительное цифровое взаимодействие закономерно изменяет систему человеческой привязанности. Для описания этого процесса используется понятие цифровой привязанности, отражающее формирование устойчивой эмоциональной связи между человеком и цифровой реконструкцией личности. Подобная привязанность может выполнять адаптационную функцию, облегчая переживание горя, при определенных условиях способна приобретать патологический характер.

Клиническим продолжением данного феномена становится патологическая цифровая привязанность. Под этим термином понимается нарушение психологической адаптации, при котором взаимодействие с цифровым аватаром начинает препятствовать восстановлению автономного функционирования личности, ограничивает формирование новых социальных связей или приводит к устойчивой фиксации на цифровом образе умершего. На современном этапе развития науки существование подобного синдрома остается исследовательской гипотезой и требует длительной клинической проверки.

В психотерапевтической практике перспективным направлением может стать цифровая мемориальная психотерапия. Под данным термином понимается использование цифровых моделей личности в качестве вспомогательного инструмента при работе с незавершенными отношениями, чувством вины, травматической утратой или невозможностью символического прощания. Подобная технология не заменяет традиционные психотерапевтические методы и не предполагает признания цифрового аватара продолжением личности умершего. Ее терапевтический потенциал связан исключительно с возможностью создания безопасного пространства для эмоциональной переработки опыта при обязательном соблюдении клинических, этических и правовых ограничений.

Комплексное изучение психических процессов, возникающих в результате появления цифровых моделей умерших, образует направление, которое в настоящей монографии обозначается как цифровая психиатрия смерти. В отличие от существующей цифровой психиатрии, ориентированной преимущественно на диагностику и лечение психических расстройств с использованием цифровых технологий, цифровая психиатрия смерти исследует влияние этих технологий на фундаментальные процессы переживания конечности человеческой жизни, утраты, памяти и формирования новых форм межличностных отношений.

ВВЕДЕНИЕ

Смерть как психологический феномен

На протяжении тысячелетий смерть воспринималась человеком как биологическое событие. Медицинская наука изучала прекращение жизнедеятельности организма, биология - необратимые изменения тканей, право - прекращение правосубъектности личности, религия - посмертное существование человека в различных формах, философия - конечность человеческого бытия. Психология и психиатрия традиционно обращались к последствиям смерти для живых, исследуя переживание утраты, процессы адаптации и трансформацию личности после потери близкого человека. Несмотря на различие научных подходов, все они исходили из общего предположения: смерть означает прекращение возможности дальнейшего взаимодействия между умершим и окружающими людьми.

Обратная ситуация на протяжении истории практически не встречалась. Если отношения исчезали вследствие смерти, их невозможно было восстановить. Фотографии, письма, дневники, аудиозаписи, семейные архивы и памятники сохраняли память об умершем, не позволяли вступать с ним в новый диалог. Даже внутренние обращения к умершему человеку оставались частью собственного психического опыта и не предполагали получения нового ответа. Вся известная психология утраты сформировалась в условиях этой необратимости.

Развитие искусственного интеллекта впервые создает ситуацию, при которой прекращение биологической жизни и прекращение психологического взаимодействия перестают совпадать автоматически. Цифровые реконструкции личности постепенно приобретают способность поддерживать диалог, воспроизводить характерные особенности речи, обращаться к событиям совместной жизни, использовать привычные формы общения и формировать субъективное переживание продолжающегося присутствия умершего человека. При этом биологическая смерть остается необратимой, тогда как структура отношений начинает существовать в иной форме. Перед психиатрией возникает феномен, который не имеет полноценного исторического аналога.

Речь не идет о сохранении сознания умершего человека или о преодолении биологической смерти. Технологии не дают оснований для подобных утверждений. Предмет настоящего исследования значительно уже и одновременно значительно сложнее. Нас интересует изменение психики живого человека, который начинает строить отношения с цифровой моделью личности, созданной на основе прижизненных данных умершего. Субъективное переживание такого взаимодействия становится новым психологическим фактом независимо от того, насколько совершенной является сама технология.

История науки показывает, что наиболее глубокие изменения происходят не тогда, когда появляются новые технологии, а тогда, когда они начинают изменять фундаментальные психологические закономерности человеческой жизни. Печатная книга изменила коллективную память, фотография - представления о времени, интернет - структуру коммуникации. Искусственный интеллект способен изменить еще более глубокий уровень человеческого опыта - отношение к смерти, памяти, утрате и продолжающимся отношениям. Если эта тенденция сохранится, психиатрии предстоит изучать не только последствия прекращения жизни, но и последствия сохранения психологического взаимодействия после нее. С этой точки начинается исследование, представленное в настоящей монографии.

Что изменилось впервые за всю историю человечества

История психологии и психиатрии традиционно описывается как последовательное накопление знаний о человеческой психике. Менялись научные теории, диагностические классификации, методы лечения и представления о природе психических расстройств. При этом значительно реже задается другой вопрос: изменялась ли сама психика как объект исследования? Большинство психологических закономерностей, изучаемых современной наукой, сформировались в условиях, которые оставались практически неизменными на протяжении тысячелетий. Они воспринимались не как исторически обусловленные особенности человеческого существования, а как универсальные свойства психики.

Практически все концепции горевания строятся вокруг идеи постепенной перестройки внутренней системы отношений после исчезновения объекта привязанности. Независимо от различий между психоаналитическими, когнитивными, системными или экзистенциальными моделями, каждая из них исходит из одного общего основания: умерший человек более не способен вступать в новый диалог с окружающими. Психологическая работа заключается в изменении самого субъекта переживания, а не в продолжении реальных отношений. Это положение настолько глубоко укоренилось в научном мышлении, что перестало восприниматься как исторически обусловленная предпосылка.

Развитие искусственного интеллекта впервые создает ситуацию, при которой данное условие перестает быть безусловным. Появление цифровых моделей личности не отменяет биологической смерти и не устраняет необратимость прекращения жизни. Оно изменяет другое обстоятельство, остававшееся неизменным на протяжении всей истории человечества, - возможность психологического взаимодействия после смерти. Цифровая реконструкция личности способна поддерживать диалог, воспроизводить индивидуальные особенности общения, использовать семейную биографию и создавать субъективное переживание продолжающихся отношений. Даже если подобное взаимодействие представляет собой лишь технологическую модель, а не продолжение сознания умершего, для психики живого человека оно становится новой формой опыта.

В истории культуры уже существовали различные формы символического общения с умершими: молитвы, внутренние обращения, письма, обращенные к памяти близкого человека, художественные произведения, спиритуалистические практики. Все они объединялись одной особенностью. Ответ всегда создавался самим переживающим субъектом либо интерпретировался в рамках религиозной или культурной традиции. Цифровые системы вводят в этот процесс новый элемент - автономно функционирующую модель, которая способна генерировать ранее не существовавшие ответы на основе накопленных прижизненных данных. С психологической точки зрения это качественно отличается от воспоминания, поскольку человек переживает не только собственную внутреннюю активность, но и взаимодействие с внешним коммуникативным объектом.

Возникает еще одно обстоятельство, выходящее далеко за пределы индивидуальной психологии. На протяжении всей истории человечества культура формировалась вокруг идеи окончательного разрыва между миром живых и миром умерших. Эта граница определяла семейные отношения, наследование социальных ролей, процессы взросления, переживание ответственности, формирование памяти и представления о собственной конечности. Если цифровые технологии действительно создадут устойчивые формы посмертного взаимодействия, изменится не только психология отдельного человека. Перед цивилизацией может возникнуть новая модель отношений между поколениями, в которой умершие сохраняют активное коммуникативное присутствие в жизни семьи. Подобный сценарий пока остается

исследовательской гипотезой, он позволяет сформулировать круг вопросов, которые психиатрия, клиническая психология, биоэтика и право будут вынуждены обсуждать в ближайшие десятилетия.

Почему психиатрия должна готовиться уже сегодня

Новые направления науки редко возникают вследствие теоретических размышлений. Чаще всего они становятся ответом на уже произошедшие изменения в жизни общества. Психиатры начали систематически изучать последствия хронического употребления алкоголя лишь после того, как алкоголизм приобрел масштаб самостоятельной медико-социальной проблемы. Аналогичным образом развивались исследования наркотической зависимости, патологического гемблинга, интернет-зависимости, кибербуллинга, цифрового стресса и других феноменов, порожденных изменением социальной среды. Научное осмысление, как правило, следовало за практикой, а не предшествовало ей.

Подобная закономерность объяснима. Новые психические феномены невозможно описать до тех пор, пока они не становятся частью повседневной жизни. Клинические наблюдения накапливаются постепенно, формируются первые гипотезы, затем появляются сравнительные исследования, диагностические критерии и рекомендации для практики. Такой путь обеспечивал надежность научных выводов, одновременно приводил к неизбежному временному разрыву между появлением нового явления и его профессиональным пониманием. В течение этого периода врачи, психологи и семьи нередко сталкивались с проблемами, для которых еще не существовало адекватного научного языка.

Развитие искусственного интеллекта создает редкую для истории науки ситуацию, когда потенциальное направление трансформации можно увидеть еще до того, как оно станет массовым социальным явлением. Уже сегодня существуют персонализированные голосовые модели, цифровые мемориальные сервисы, генеративные языковые системы, фотореалистичные аватары и роботизированные платформы, способные воспроизводить отдельные особенности конкретного человека. Пока эти технологии находятся на разных стадиях развития и не позволяют говорить о полноценном воспроизведении личности. Вместе с тем они демонстрируют устойчивое направление технологической эволюции, которое делает вопрос о психологических последствиях их использования научно оправданным уже в настоящее время.

Существует еще одна причина, по которой обсуждение подобных вопросов невозможно откладывать. Технологические решения нередко разрабатываются значительно быстрее, чем формируются этические, правовые и клинические механизмы их использования. Если цифровые реконструкции личности начнут широко применяться без предварительного анализа их психологических последствий, психиатрия окажется в положении дисциплины, вынужденной реагировать на уже сложившуюся практику. В этом случае научное сообщество будет обсуждать не возможность предупреждения потенциальных рисков, а последствия решений, принятых без его участия.

Воздействие новых технологий не будет одинаковым для всех людей. Один и тот же цифровой аватар может выполнять различные функции в зависимости от возраста, структуры личности, характера утраты, семейной системы, культурного контекста и наличия психических расстройств. Для одних людей подобное взаимодействие может стать элементом символического завершения отношений, для других - источником хронической фиксации на утрате или усиления уже существующих нарушений адаптации. Предсказать характер этих эффектов без систематических исследований невозможно, их вариативность делает раннее изучение проблемы особенно актуальным.

Подготовка психиатрии необходима также потому, что предмет будущих исследований выходит далеко за пределы клинической практики. Изменение характера отношений между живыми и цифровыми реконструкциями умерших затрагивает семейную психологию, возрастную психологию, психотерапию, паллиативную медицину, судебную психиатрию, биоэтику,

право и социальную политику. Каждая из этих областей будет вынуждена отвечать на вопросы, которых прежде не существовало: допустимо ли использование цифрового аватара в работе с детьми, каким образом учитывать подобные технологии при сопровождении пациентов с тяжелыми психическими расстройствами, кто вправе принимать решения о создании и использовании цифровой модели личности, какие ограничения необходимы для предотвращения психологического вреда. Без участия психиатрии ответы на эти вопросы рискуют формироваться преимущественно под влиянием технических возможностей или коммерческих интересов.

Формирование новой научной программы

Предлагаемая в настоящей монографии исследовательская программа строится на аналогичном принципе. Ее отправной точкой становится предположение, что технологии цифровой реконструкции личности способны сформировать качественно новые психологические условия переживания смерти и утраты. Эта гипотеза не означает возникновения самостоятельной дисциплины уже сегодня. Она обозначает необходимость систематического изучения феноменов, которые могут стать предметом новой области знания по мере накопления эмпирических данных.

Первый этап такой программы связан с развитием клинического наблюдения. Наиболее ранние признаки новой психологической реальности редко обнаруживаются в лабораторных исследованиях. Их первыми фиксируют психиатры, клинические психологи, психотерапевты, специалисты паллиативной помощи и семейные консультанты, непосредственно работающие с людьми, переживающими утрату. Чрезвычайно важно не только наблюдать необычные формы адаптации, но и описывать их единым профессиональным языком. Без накопления тщательно документированных клинических наблюдений дальнейшее развитие новой дисциплины невозможно.

Следующим этапом становится формирование понятийного аппарата. Научное исследование начинается тогда, когда исследователь получает возможность различать феномены, сравнивать их между собой и обсуждать результаты наблюдений независимо от индивидуальных особенностей конкретного случая. Предлагаемые в настоящей монографии понятия - «цифровая непрерывность личности», «цифровое посмертное взаимодействие», «цифровое горевание», «патологическая цифровая привязанность» и другие - рассматриваются как рабочие исследовательские категории. Их назначение состоит не в окончательном определении новой реальности, а в создании языка, позволяющего эту реальность описывать и анализировать.

После формирования языка возникает возможность перехода к систематическим исследованиям. На этом этапе особое значение приобретают проспективные наблюдения, сравнительные клинические исследования, лонгитюдные проекты, оценка психологической адаптации различных групп пациентов и анализ факторов риска. Центральным вопросом становится не подтверждение заранее сформулированной гипотезы, а объективная проверка того, действительно ли взаимодействие с цифровыми реконструкциями личности оказывает самостоятельное влияние на процессы горевания, семейную динамику и долгосрочное психическое функционирование человека. Только подобные исследования способны определить, какие из предполагаемых феноменов имеют клиническое значение, а какие представляют собой временные культурные или технологические эффекты.

По мере накопления доказательной базы исследовательская программа неизбежно выходит за пределы описательной психопатологии. Возникает необходимость разработки этических принципов, правовых механизмов регулирования, профессиональных стандартов и рекомендаций для клинической практики. В этот процесс должны быть вовлечены не только психиатры и психологи, но и специалисты по искусственному интеллекту, юристы, философы, эксперты по биоэтике, представители паллиативной медицины, социологи и специалисты в области цифровой безопасности. Междисциплинарный характер исследования обусловлен тем, что предмет анализа затрагивает одновременно психическое здоровье, человеческую идентичность, семейные отношения, технологическое развитие и фундаментальные вопросы антропологии.

Особое место в предлагаемой научной программе занимает разработка методов ранней оценки психологических последствий новых технологий. История медицины показывает, что профилактика становится наиболее эффективной тогда, когда потенциальные риски начинают

изучаться одновременно с появлением новых социальных явлений. В отношении цифрового продолжения личности подобная возможность существует впервые. Научное сообщество получает шанс сформировать систему наблюдения еще до широкого распространения соответствующих технологий, что позволяет перейти от реактивной модели развития психиатрии к модели опережающего исследования.

При этом новая научная программа не должна ограничиваться поиском исключительно негативных последствий. Любая технологическая трансформация создает не только риски, но и новые терапевтические возможности. Цифровые реконструкции личности потенциально могут использоваться для психологического сопровождения отдельных категорий пациентов, облегчения переживания сложной утраты, символического завершения незавершенных отношений или поддержки семей в паллиативной медицине. Насколько подобные подходы окажутся эффективными и безопасными, заранее неизвестно. Исследовательская программа должна быть одинаково открыта как к обнаружению потенциальной пользы, так и к выявлению возможного психологического вреда.

ЧАСТЬ I История смерти в психологии и психиатрии

Глава 1. Смерть как универсальный феномен человеческой психики

.1.
Биологическая смерть и психологическая смерть

Смерть традиционно рассматривается медициной как событие биологического порядка. Современная реаниматология, неврология, судебная медицина и трансплантология разработали достаточно точные критерии ее диагностики, позволяющие определить момент необратимого прекращения жизнедеятельности организма. В этом смысле биологическая смерть представляет собой объективно фиксируемое состояние, связанное с прекращением интегративной деятельности организма как единой живой системы. Для клинической медицины эта граница имеет решающее значение, поскольку определяет прекращение лечебных мероприятий, юридический статус человека и последующие медицинские процедуры.

Психиатрия сталкивается со смертью в иной плоскости. Предметом ее исследования становится не прекращение физиологических процессов, а изменения, происходящие в психике живых людей после утраты близкого человека. На протяжении более ста лет внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на феноменологии горевания, нарушениях адаптации, депрессивных реакциях, патологическом горе и трансформации семейных отношений. При этом само понятие психологической смерти редко выделялось как самостоятельный объект научного анализа. Между тем оно позволяет объяснить ряд клинических наблюдений, которые трудно интерпретировать исключительно с позиций биологического понимания смерти.

Эти наблюдения позволяют предположить, что психологическая смерть не является одномоментным событием. В отличие от биологической смерти она представляет собой процесс постепенной трансформации отношений, памяти, эмоциональной привязанности и субъективного переживания присутствия другого человека. В одних случаях этот процесс начинается задолго до прекращения биологической жизни, в других - развивается спустя месяцы или годы после смерти, когда завершается интеграция утраты в структуру личности переживающего человека. Психологическая смерть обладает собственной временной динамикой, которая лишь частично совпадает с медицинским пониманием смерти.

Психоаналитическая традиция связывала завершение переживания утраты с перераспределением эмоциональной энергии и постепенным отказом от прежнего объекта привязанности. Более поздние концепции подвергли критике представление о необходимости полного разрыва внутренних связей с умершим человеком. Теория продолжающихся связей (Continuing Bonds), получившая развитие в конце XX века, показала, что сохранение внутреннего психологического отношения к умершему может быть не проявлением патологической фиксации, а естественной формой адаптации. Вместе с тем все существующие модели объединяет одно общее допущение: продолжается внутреннее отношение к умершему, тогда как непосредственное взаимодействие остается невозможным. Это положение становится предметом пересмотра в условиях развития технологий цифровой реконструкции личности.

Психологическая смерть определяется как процесс прекращения участия личности в системе актуальных межличностных отношений, сопровождающийся последовательной пере-

стройкой внутренней психологической организации живых людей. Такое определение сознательно акцентирует внимание не на умершем человеке, а на динамике отношений, возникающих после его утраты. Подобный подход позволяет рассматривать смерть не только как биологическое событие, но и как сложный психический процесс, разворачивающийся одновременно в индивидуальном сознании, семейной системе и культуре в целом.

Появляется центральный исследовательский вопрос настоящей работы. Если на протяжении всей истории человечества биологическая смерть почти неизбежно влекла за собой психологическую смерть как прекращение непосредственного взаимодействия, то каким образом изменится эта закономерность в условиях появления цифровых реконструкций личности? Пока ответ на этот вопрос отсутствует. Сама возможность его научной постановки свидетельствует о начале нового этапа в развитии психиатрии, где предметом исследования становится не только переживание смерти, но и трансформация человеческих отношений после нее.

.2.
Формирование представлений о смерти в различных цивилизациях

История человеческой цивилизации может быть рассмотрена как история непрерывных попыток понять и психологически преодолеть смерть. При этом внимание исследователей традиционно сосредоточено на религиозных, философских или культурных представлениях о загробном существовании. Значительно реже задается другой вопрос: какую психологическую функцию выполняли эти представления? Если рассматривать историю через призму клинической психологии и психиатрии, становится заметно, что различные цивилизации искали способы сохранить внутреннюю связь между живыми и умершими. Изменялись формы этой связи, но сама потребность в ее сохранении оставалась практически неизменной.

Археологические находки свидетельствуют, что уже древнейшие человеческие сообщества не ограничивались простым удалением тела умершего. Захоронения сопровождались ритуалами, символическими предметами, украшениями, оружием, пищей и предметами повседневной жизни. Подобные действия трудно объяснить исключительно бытовыми или санитарными причинами. Они отражают стремление сохранить непрерывность отношений, несмотря на прекращение биологического существования человека. С психологической точки зрения ритуал становится первой культурной технологией адаптации к утрате.

В восточных цивилизациях формировались иные модели отношения к смерти. Буддийская традиция акцентировала внимание на изменчивости всех форм существования и постепенном освобождении от привязанности как источника страдания. Конфуцианская культура, напротив, придавала особое значение непрерывности поколений, культу предков и сохранению семейной идентичности. Несмотря на глубокие философские различия, обе традиции выполняли сходную психологическую функцию: они предлагали человеку устойчивую систему смыслов, позволяющую включить смерть в более широкую картину мира и тем самым уменьшить разрушительное воздействие утраты.

Несмотря на значительные различия между цивилизациями, все рассмотренные модели объединяет одна общая закономерность. Ни одна из них не рассматривала смерть исключительно как прекращение физиологических процессов. Каждая культура стремилась сохранить определенную форму отношений между живыми и умершими. Эта связь могла поддерживаться посредством ритуалов, памяти, религиозной веры, семейных традиций, искусства или коллективной истории, во всех случаях она оставалась преимущественно символической. Умерший продолжал существовать в культуре, но уже не вступал в новый психологический диалог с живыми.

В этом заключается принципиальное отличие современной технологической ситуации. Искусственный интеллект не отменяет исторически сложившиеся способы сохранения памяти

и не вытесняет религиозные или культурные представления о смерти. Он предлагает иной механизм поддержания отношений - интерактивное взаимодействие с цифровой реконструкцией личности. Если прежние цивилизации создавали символические формы присутствия умершего, то цифровые технологии стремятся воспроизвести динамику его поведения и общения. Впервые объект памяти приобретает способность отвечать, задавать вопросы, участвовать в разговоре и создавать субъективное переживание продолжающегося взаимодействия.

Подобная трансформация позволяет по-новому интерпретировать всю историю отношения человечества к смерти. Становится заметно, что на протяжении тысячелетий менялись способы сохранения психологической связи между поколениями. Наскальные изображения, погребальные ритуалы, культ предков, священные тексты, памятники, портретная живопись, фотография, кинематограф, семейные архивы и цифровые социальные сети представляют собой последовательные этапы одной культурной эволюции. Каждый следующий этап увеличивал объем сохраняемой информации о человеке, но не изменял принципиально характер отношений между живыми и умершими. Искусственный интеллект впервые делает предметом этой эволюции не память как таковую, а само взаимодействие.

.3.
Психика человека перед лицом конечности существования

Осознание собственной смертности является одной из фундаментальных особенностей человеческой психики. Насколько позволяют судить данные сравнительной психологии и когнитивной этологии, человек остается единственным видом, способным не только реагировать на смерть соплеменников, но и строить долговременные представления о неизбежности собственной конечности. Эта способность радикально изменяет организацию внутренней жизни личности. Смерть перестает быть случайным событием окружающего мира и становится постоянным компонентом человеческого самосознания.

Это противоречие, определяет многие особенности человеческой культуры. История цивилизации показывает, что практически каждая эпоха создавала собственные способы преодоления психологической невозможности принять окончательное исчезновение личности. Религиозные представления о загробной жизни, культ предков, монументальное искусство, семейная преемственность, историческая память, литературное творчество и научное наследие могут рассматриваться как различные формы ответа на один и тот же экзистенциальный вызов. Независимо от мировоззренческих различий все они выполняли общую психологическую функцию - уменьшали разрыв между конечностью биологической жизни и стремлением личности к сохранению собственного существования в мире.

Психиатрическая практика постоянно демонстрирует, что переживание конечности жизни никогда не ограничивается только страхом смерти. Значительно чаще человек сталкивается со страхом незавершенности собственной жизни, утраты значимых отношений, исчезновения личной истории, невозможности завершить важные дела или передать накопленный опыт следующим поколениям. Клинические беседы с пациентами, находящимися в терминальных стадиях соматических заболеваний, нередко показывают, что центральное место занимает не сам факт приближающейся смерти, а судьба семьи, детей, профессионального наследия, незавершенных разговоров и невысказанных чувств. В центре переживания оказывается проблема продолжающихся отношений, а не исключительно проблема прекращения биологической жизни.

Эта особенность позволяет иначе интерпретировать само понятие экзистенциальной тревоги. Она возникает не только из осознания неизбежности смерти, но и из понимания того, что смерть разрывает систему отношений, в которой человек существует как личность. Индивидуальная идентичность формируется внутри сети социальных связей, совместной памяти,

взаимных обязательств и эмоциональной привязанности. Переживание собственной конечности одновременно становится переживанием возможного исчезновения из внутреннего мира других людей. Стремление оставить после себя детей, книги, произведения искусства, научные открытия или общественные институты может рассматриваться не только как культурный феномен, но и как один из механизмов психологической адаптации к осознанию смертности.

Развитие цифровых технологий создает качественно иную перспективу. Впервые появляется возможность не только сохранять информацию о человеке, но и воспроизводить отдельные особенности его коммуникативного поведения. Даже если подобная модель остается лишь вероятностной реконструкцией личности, она изменяет сам характер представлений о посмертном существовании. Объектом сохранения становится не только память, но и потенциальная возможность продолжения диалога. Тем самым изменяется один из наиболее устойчивых психологических механизмов, сопровождавших человека на протяжении всей истории цивилизации.

С позиций настоящего исследования конечность человеческого существования следует рассматривать не как источник исключительно патологических переживаний, а как один из факторов формирования личности. Осознание ограниченности жизни влияет на способность человека любить, строить долгосрочные отношения, принимать нравственные решения, выбирать жизненные цели и определять систему собственных ценностей. Парадоксальным образом конечность делает человеческое существование психологически насыщенным. Если смерть действительно начнет восприниматься иначе вследствие развития технологий цифрового продолжения личности, изменения могут затронуть не только процесс переживания утраты, но и саму структуру человеческой мотивации.

.4.
Почему смерть всегда являлась основой психологической организации личности

В большинстве психологических и психиатрических исследований смерть рассматривается преимущественно как источник тревоги, утраты или экзистенциального кризиса. Подобный подход закономерен, поскольку в этих формах конечность существования наиболее часто становится предметом клинического наблюдения. Подобная перспектива отражает лишь одну сторону проблемы. Значительно реже обсуждается вопрос, какую роль сама неизбежность смерти играет в формировании нормальной человеческой психики. Между тем существует достаточно оснований предположить, что конечность жизни является не внешним фактором, воздействующим на личность, а одним из фундаментальных условий ее формирования.

Семейные отношения также приобретают особую психологическую структуру благодаря конечности человеческого существования. Любовь, забота, воспитание детей, преемственность поколений и сохранение семейной памяти строятся в условиях ограниченного совместного времени. Родители воспитывают детей, понимая, что однажды их собственная жизнь завершится. Дети постепенно принимают ответственность за старшее поколение, осознавая неизбежность будущей утраты. Каждое поколение одновременно наследует опыт предшествующих и передает его следующим. Конечность жизни становится одним из механизмов, обеспечивающих непрерывность человеческой культуры.

Психиатрическая практика подтверждает, что изменение отношения к будущему нередко сопровождается изменением всей структуры личности. Пациенты, переживающие тяжелые соматические заболевания, терминальные состояния или выраженные экзистенциальные кризисы, часто начинают иначе оценивать собственные жизненные цели, систему ценностей и характер межличностных отношений. При этом решающее значение имеет не только страх смерти как эмоциональная реакция, но и изменение субъективной перспективы времени. Чем отчетливее человек осознает ограниченность собственного будущего, тем большей пси-

хологической ценностью начинают обладать настоящее, близкие отношения и смысл уже прожитой жизни.

В связи с этим возникает принципиальный вопрос. Если конечность жизни участвует в формировании столь большого числа психологических процессов, каким образом изменение отношения к смерти может повлиять на организацию личности в будущем? Сегодня на него невозможно дать эмпирически подтвержденный ответ. Сама постановка вопроса приобретает научное значение в условиях появления технологий, которые потенциально способны изменить субъективное переживание посмертного существования личности в пространстве человеческих отношений.

Речь не идет об исчезновении смерти как биологического факта. Ни одна современная технология не отменяет конечности жизни организма. Вместе с тем цифровые реконструкции личности могут изменить другое обстоятельство - субъективное переживание окончательности прекращения отношений. Если на протяжении всей истории человечества смерть означала не только завершение жизни, но и прекращение непосредственного психологического взаимодействия, то развитие искусственного интеллекта впервые создает возможность частичного расхождения этих процессов. Данное обстоятельство требует нового анализа роли смерти в формировании личности.

Выдвигается концептуальная гипотеза о том, что смерть является одним из структурообразующих факторов человеческой психики. Она определяет организацию времени, придает ценность жизненному выбору, формирует ответственность, поддерживает преемственность поколений, способствует возникновению потребности в сохранении культурного и личностного наследия, а также создает психологические условия для развития привязанности и переживания утраты. Если способы субъективного переживания смерти начинают изменяться под влиянием новых технологий, предметом трансформации становится не отдельная эмоциональная реакция, а вся система психологической организации личности.

Обсуждение цифровой непрерывности личности выходит далеко за пределы проблемы искусственного интеллекта. Оно затрагивает один из фундаментальных вопросов психологии: какие свойства человеческой личности являются следствием самой природы человека, а какие сформировались благодаря тому, что на протяжении всей истории человечества жизнь всегда оставалась конечной. Ответ на этот вопрос невозможно получить путем философских рассуждений или технического анализа цифровых технологий. Он потребует многолетних клинических наблюдений, междисциплинарных исследований и пересмотра ряда базовых представлений о развитии личности. Возможно, эта задача станет одной из центральных для психиатрии XXI века.

Глава 2. История переживания утраты

2.1. От первобытных ритуалов до современной психотерапии

Историю переживания утраты обычно описывают как последовательность культурных и религиозных представлений о смерти. Подобный подход позволяет проследить эволюцию мировоззрения различных цивилизаций, оставляет без внимания другую закономерность, имеющую непосредственное отношение к психиатрии и клинической психологии. На протяжении всей истории человечества одновременно развивались способы психологической помощи людям, потерявшим близких. Задолго до появления психотерапии каждая культура создавала собственные механизмы уменьшения страдания, восстановления внутреннего равновесия и возвращения человека к жизни после утраты. Если рассматривать исторический процесс под этим углом зрения, становится очевидно, что история переживания смерти одновременно является историей постепенного формирования психотерапии горя.

По мере развития религиозных традиций система помощи становилась значительно сложнее. Практически все мировые религии сформировали собственные ритуалы прощания, траура и поддержки семьи умершего. Общими для них оставались несколько психологически значимых элементов: признание реальности смерти, коллективное участие в переживании горя, сохранение достоинства умершего, символическое продолжение отношений и постепенное возвращение человека к повседневной жизни. Современная психотерапия использует многие из этих принципов, хотя объясняет их уже не религиозными, а психологическими механизмами.

Особое значение имеет то обстоятельство, что традиционные общества редко предоставляли человеку возможность самостоятельно определять продолжительность и форму переживания утраты. Траур регулировался культурой. Существовали установленные сроки, последовательность ритуалов, правила поведения, ограничения и формы социальной поддержки. Подобная организация не только отражала религиозные представления эпохи, но и выполняла регуляторную функцию, помогая психике постепенно переходить от острой реакции к новой жизненной организации. Современный человек значительно свободнее в выборе способов переживания горя, одновременно оказывается менее защищенным коллективными механизмами психологической адаптации.

Развитие медицины постепенно изменило характер понимания утраты. Смерть стала рассматриваться не только как религиозное или философское событие, но и как объект научного анализа. Появилась возможность описывать эмоциональные реакции, особенности поведения, нарушения сна, тревогу, депрессию и другие последствия тяжелой утраты. Вместе с тем ранняя медицинская модель преимущественно фиксировала симптомы страдания, тогда как вопрос о внутренней психологической переработке горя еще не занимал центрального места. Лишь с развитием психологии личности и психотерапии внимание исследователей постепенно сместилось от описания внешних проявлений к изучению внутренних механизмов адаптации.

Рубеж XIX–XX веков ознаменовал качественное изменение подхода к переживанию смерти. Работы, посвященные психодинамике утраты, механизмам привязанности, символической переработке опыта и внутреннему миру человека, впервые сделали горе самостоятельным предметом научного исследования. В дальнейшем развитие гуманистической, экзистенциальной, когнитивной, семейной и других психотерапевтических школ существенно расширило представления о многообразии реакций на смерть близкого человека. Постепенно стало очевидно, что переживание утраты невозможно свести ни к единому сценарию, ни к универсаль-

ной последовательности стадий. Индивидуальная история отношений, особенности личности, семейный контекст, культурная среда и характер самой утраты оказывают значительное влияние на процесс психологической адаптации.

Несмотря на существенные различия между современными психотерапевтическими подходами, их объединяет одно важное обстоятельство. Все они работают в условиях, когда умерший человек больше не способен вступать в непосредственное взаимодействие с живыми. Незавершенный разговор может быть воспроизведен в воображении, в символическом письме, в технике пустого стула или в других формах психотерапевтической работы, ответ всегда остается частью внутренней психической активности самого пациента. Эта особенность объединяет практически все известные методы психологической помощи при утрате.

Развитие искусственного интеллекта впервые создает предпосылки для изменения данного условия. Если цифровая реконструкция личности способна поддерживать осмысленный диалог, воспроизводить особенности общения и обращаться к общей биографии семьи, психотерапия сталкивается с качественно новой ситуацией. Символический внутренний диалог потенциально может быть дополнен взаимодействием с цифровой моделью умершего человека. Подобная модель не является продолжением личности умершего и не может рассматриваться как эквивалент человеческого сознания. Вместе с тем субъективный опыт взаимодействия с ней способен изменить традиционные механизмы переживания утраты.

В этом контексте вся история психологической помощи людям, пережившим смерть близкого человека, приобретает новое значение. От первобытного ритуала до современной психотерапии человечество постоянно создавало способы уменьшения страдания, возникающего вследствие разрушения значимых отношений. На протяжении тысячелетий эти способы изменяли форму, но сохраняли одно неизменное условие: помощь строилась вокруг принятия невозможности дальнейшего общения с умершим. XXI век впервые ставит под вопрос это основание. Если возможность психологического взаимодействия частично сохраняется благодаря цифровым технологиям, психотерапии предстоит пересмотреть некоторые из собственных фундаментальных представлений. С этого момента история переживания утраты постепенно переходит в историю новой психиатрии и новой психотерапии смерти.

2.2. Религия как первая психотерапия смерти

На протяжении большей части человеческой истории религия являлась основной системой, сопровождавшей человека в момент столкновения со смертью. Задолго до появления психиатрии, клинической психологии и психотерапии религиозные традиции формировали язык, с помощью которого люди осмысляли утрату, организовывали переживание горя и постепенно возвращались к повседневной жизни. Подобное утверждение не затрагивает вопрос о происхождении религии и не предполагает оценки истинности тех или иных вероучений. Предметом настоящего анализа становится исключительно психологическая функция религии - ее влияние на внутренние процессы адаптации человека к смерти.

Любая утрата разрушает привычную картину мира. Смерть близкого человека нарушает ощущение предсказуемости жизни, вызывает чувство беспомощности, ставит под сомнение справедливость происходящего и лишает человека привычной системы отношений. Психика оказывается перед необходимостью одновременно принять необратимость события и сохранить способность продолжать собственную жизнь. В этот момент возникает потребность не только в эмоциональной поддержке, но и в объяснении происходящего. Для человека вопрос «почему это произошло?» нередко оказывается столь же важным, как и вопрос «как теперь жить дальше?». Религия на протяжении тысячелетий предлагала ответы на оба вопроса.

С клинической точки зрения особый интерес представляет способность религиозных систем снижать уровень экзистенциальной неопределенности. Одним из наиболее тяжелых психологических переживаний после смерти близкого человека становится столкновение с вопросами, не имеющими очевидного ответа. Что произошло с умершим? Возможно ли продолжение отношений? Почему смерть наступила сейчас? Каково значение произошедшего для оставшихся в живых? Научная психология не располагает эмпирически подтвержденными ответами на многие из этих вопросов, поскольку они выходят за пределы ее предмета исследования. Религиозные традиции предлагают собственные интерпретации, которые для верующего человека становятся частью устойчивой системы смыслов и способны существенно уменьшать разрушительное воздействие неопределенности.

Не менее важную роль играет коллективный характер религиозного переживания смерти. Практически во всех культурах утрата никогда не рассматривалась исключительно как частная проблема отдельного человека. Прощание с умершим, молитвы, поминальные обряды, участие общины и совместное воспоминание о жизни покойного создавали пространство, в котором горе приобретало социальное признание. Современная психотерапия хорошо знает значение эмоциональной поддержки и возможности разделить тяжелое переживание с другими людьми. Религиозные общины реализовывали этот принцип задолго до появления научной психологии, хотя объясняли его иным мировоззренческим языком.

Еще одной важной особенностью религиозного сопровождения является сохранение символических отношений с умершим человеком. Память о нем не прекращается после завершения похорон. Молитва, дни поминовения, семейные традиции, посещение мест захоронения и участие в религиозных церемониях поддерживают чувство непрерывности отношений, одновременно признавая факт биологической смерти. Религия демонстрирует удивительное психологическое равновесие. Она позволяет сохранить внутреннюю связь с умершим, не отрицая при этом необратимость произошедшего. Такое сочетание принятия и сохранения отношений во многом созвучно современным представлениям о здоровой адаптации к утрате.

История психотерапии показывает, что многие ее принципы имеют глубокие культурные корни. Создание безопасного пространства для выражения чувств, принятие страдания без осуждения, поиск нового смысла жизни, сохранение внутренней связи с умершим, постепенное возвращение к повседневной активности и поддержка со стороны значимого сообщества - все эти элементы присутствовали в религиозной практике задолго до возникновения профессиональной психологической помощи. Разумеется, это не означает тождества религиозного опыта и психотерапии. Их цели, методы и основания различны. С точки зрения психологии адаптации многие выполняемые ими функции оказываются сходными.

В XXI веке перед человечеством возникает новая ситуация. Если религиозные традиции на протяжении тысячелетий помогали человеку сохранить символическую связь с умершим, то технологии искусственного интеллекта потенциально способны предложить иную форму переживания этой связи - цифровое взаимодействие с реконструкцией личности. Возникает принципиальное различие. Религия обращается к вере, символу и внутреннему смыслу. Цифровая технология обращается к моделированию поведения, речи и коммуникации. Несмотря на внешнее сходство цели - сохранение переживания отношений, психологические механизмы этих двух подходов могут существенно различаться.

Религию следует рассматривать не как конкурента или альтернативу будущим цифровым технологиям, а как важнейший исторический опыт человечества в преодолении последствий смерти. На протяжении тысячелетий она формировала сложную систему психологической помощи, основанную на ритуале, общине, символизации, надежде и поиске смысла. Этот опыт представляет особую ценность для психиатрии будущего, поскольку позволяет понять, какие элементы действительно способствуют адаптации человека к утрате, а какие являются лишь культурно обусловленными формами их выражения. Возможно, сопоставление религи-

озного опыта с новыми цифровыми моделями взаимодействия позволит определить, какие механизмы являются фундаментальными для человеческой психики независимо от исторической эпохи и технологического уровня развития цивилизации.

2.3. Культурные модели переживания горя

На первый взгляд смерть представляет собой универсальное биологическое событие, одинаковое для всех людей независимо от времени, места рождения и культурной принадлежности. Клиническая практика, антропологические исследования и исторический анализ убедительно показывают, что переживание утраты никогда не является исключительно индивидуальным психическим процессом. Человек переживает смерть близкого не только как личность, но и как представитель определенной культуры, которая задолго до возникновения конкретной утраты формирует представления о допустимых эмоциях, продолжительности горя, способах выражения страдания и путях возвращения к повседневной жизни. В результате психология утраты оказывается одновременно биологическим, психологическим и культурным феноменом.

Этим объясняется значительное разнообразие культурных моделей горевания. В одних обществах открытое выражение эмоций рассматривается как естественное проявление любви и уважения к умершему. В других культурах большую ценность приобретает эмоциональная сдержанность, позволяющая сохранить достоинство семьи и внутреннее самообладание. Существуют традиции, в которых память об умершем поддерживается через регулярные семейные ритуалы, и культуры, где основное внимание уделяется постепенному возвращению человека к активной социальной жизни. Несмотря на различие внешних форм, все эти модели решают одну и ту же психологическую задачу - помогают психике адаптироваться к необратимому изменению жизненной реальности.

Для психиатрии это обстоятельство имеет принципиальное значение. Оценка процессов адаптации невозможна без учета культурного контекста. Поведение, которое в одной социальной среде воспринимается как естественное продолжение семейной традиции, в другой может ошибочно интерпретироваться как проявление патологической фиксации на утрате. Напротив, преждевременное прекращение внешних проявлений горя далеко не всегда свидетельствует о благополучной психологической адаптации. Культура формирует не только способы выражения эмоций, но и критерии их общественной оценки, что требует особой осторожности при клинической интерпретации переживаний пациента.

В последние десятилетия влияние культуры на переживание смерти начинает претерпевать заметные изменения. Глобализация, цифровые коммуникации, миграционные процессы и распространение социальных сетей постепенно размывают традиционные модели коллективного горевания. Все больше людей переживают смерть вдали от расширенной семьи, вне привычной религиозной общины или культурного окружения. Значительная часть общения переносится в цифровую среду, где возникают новые формы коллективной памяти: виртуальные мемориалы, страницы памяти, онлайн-соболезнования, цифровые архивы фотографий и видеозаписей. Эти процессы еще не отменяют традиционные способы переживания утраты, существенно изменяют социальную среду, в которой они разворачиваются.

Развитие искусственного интеллекта способно изменить культурные модели переживания горя еще глубже. Если традиционная культура формировала преимущественно символические способы сохранения памяти, то цифровые технологии потенциально создают возможность интерактивного взаимодействия с реконструкцией личности умершего человека. В этом случае изменяется не только индивидуальная психология утраты, но и сама культурная норма отношений между живыми и умершими. Возникает вопрос, который прежде практически не

существовал: станет ли регулярное общение с цифровым аватаром новой культурной практикой или останется исключением, ограниченным отдельными технологическими экспериментами? Ответ на него сегодня неизвестен, уже сама возможность подобного развития требует внимания психиатрии.

Особого обсуждения заслуживает вероятность формирования нескольких параллельных культурных моделей отношения к цифровому продолжению личности. Одни общества могут воспринимать подобные технологии как естественное развитие традиций сохранения памяти, другие - как недопустимое вмешательство в границы человеческой жизни и смерти. Даже внутри одной культуры отношение к цифровым реконструкциям личности, будет определяться возрастом, религиозными убеждениями, семейным опытом, уровнем доверия к технологиям и особенностями переживания утраты. Следовательно, будущая психиатрия столкнется не с одной универсальной моделью цифрового горевания, а с множеством вариантов психологической адаптации, формирующихся под влиянием различных культурных контекстов.

2.4. Эволюция памяти об умерших

Память об умерших является одной из наиболее устойчивых характеристик человеческой культуры. Ни одна известная цивилизация не ограничивалась биологическим констатированием смерти человека. После прекращения жизни неизменно возникала новая задача - сохранить его присутствие в индивидуальной и коллективной памяти. При этом формы сохранения памяти непрерывно изменялись, отражая уровень культурного, технологического и социального развития общества. История отношения человечества к умершим может быть рассмотрена как история постепенного расширения способов сохранения человеческой личности после смерти.

Наиболее ранние археологические свидетельства показывают, что первоначальным объектом сохранения становилось тело умершего. Захоронение само по себе уже являлось формой памяти. Оно фиксировало место, к которому могли возвращаться живые, поддерживая символическую связь с человеком, покинувшим мир. Для психики подобная локализация утраты имела важное значение. Смерть переставала быть бесследным исчезновением и приобретала конкретное пространство, вокруг которого постепенно формировались семейная память, коллективные воспоминания и культурные традиции.

Появление фотографии стало одним из наиболее значительных переломов в истории памяти. В отличие от живописи фотография воспринималась как непосредственная фиксация реальности. Она создавала ощущение документальной достоверности, позволяя сохранять мельчайшие особенности внешности человека. Для психологии утраты это означало качественное изменение характера воспоминаний. Образ умершего переставал полностью зависеть от памяти живых и приобретал самостоятельное материальное существование. Семейный фотоальбом постепенно превращался в своеобразный архив человеческих отношений.

Развитие цифровых технологий радикально увеличило объем сохраняемой информации. Социальные сети, электронная переписка, цифровые фотографии, видеоматериалы, голосовые сообщения, тексты, публикации и поисковая активность формируют беспрецедентно подробный цифровой след человеческой жизни. Впервые история личности начинает сохраняться практически непрерывно, отражая не только отдельные события, но и повседневные привычки, интересы, стиль общения и динамику жизненного пути. Для психологии памяти это означает переход от сохранения отдельных фрагментов биографии к накоплению сложной цифровой модели индивидуальности.

На этом этапе происходит качественный переход, имеющий принципиальное значение для настоящего исследования. До появления искусственного интеллекта все способы сохра-

нения памяти обладали общей особенностью. Они воспроизводили информацию о человеке, но не воспроизводили самого процесса взаимодействия с ним. Память сохраняла след личности, не могла создавать новую коммуникацию. Генеративные модели впервые делают предметом реконструкции не только биографию, но и вероятностную структуру поведения. Алгоритм способен анализировать накопленные данные, воспроизводить характерные речевые особенности, использовать типичные выражения, учитывать биографический контекст и формировать новые ответы, которых человек никогда не произносил при жизни. Проходит граница между традиционной памятью и цифровой реконструкцией личности.

Подобная реконструкция не является продолжением сознания умершего человека. Технологии не позволяют утверждать сохранение субъективного опыта, самосознания или внутренней психической жизни после биологической смерти. Цифровая модель представляет собой вероятностную реконструкцию коммуникативного поведения, основанную на анализе прижизненных данных. Для психики живого человека значение имеет не только объективная природа технологии, но и субъективный опыт взаимодействия с ней. Этот опыт становится новым психологическим феноменом, ранее не существовавшим в истории человеческой культуры.

Эта трансформация позволяет по-новому взглянуть на проблему памяти об умерших. На протяжении всей истории человечества память постепенно двигалась от сохранения материальных следов личности к сохранению ее психологических характеристик. Если данная тенденция получит дальнейшее развитие, психиатрии, предстоит исследовать уже не только механизмы воспоминания, но и последствия появления новой формы памяти - памяти, способной поддерживать иллюзию продолжающегося диалога. В этом заключается один из наиболее значимых психологических вызовов XXI века и один из центральных вопросов настоящей монографии.

Глава 3. Психология горевания

3.1. Классические модели переживания утраты

Несмотря на многолетнюю историю изучения горя, современная психология не располагает единой универсальной моделью переживания утраты. На протяжении XX и начала XXI века было предложено множество концепций, описывающих эмоциональные, когнитивные, поведенческие и межличностные изменения, возникающие после смерти близкого человека. Различия между ними настолько значительны, что иногда создают впечатление существования нескольких самостоятельных теорий горевания. Подобная ситуация отражает не кризис научного знания, а сложность самого предмета исследования. Каждая модель описывает определенный аспект человеческой адаптации к смерти, не исчерпывая всей полноты происходящих психических процессов.

Одной из первых систематических попыток психологического объяснения утраты стали работы Sigmund Freud, посвященные анализу горя и меланхолии. Рассматривая переживание утраты как процесс постепенной внутренней переработки эмоциональной связи с умершим человеком, психоаналитическая традиция предложила чрезвычайно влиятельную концепцию работы горя. Ее значение трудно переоценить. Впервые внимание исследователей было сосредоточено не только на внешних проявлениях страдания, но и на внутренних психических механизмах адаптации. Вместе с тем психоаналитическая модель отражала представления своей эпохи, в которой завершение процесса горевания связывалось преимущественно с постепенным отказом от прежнего объекта привязанности.

Значительное влияние на развитие психологии утраты оказала теория привязанности John Bowlby. В ее рамках смерть рассматривается как разрушение устойчивой системы эмоциональной связи между людьми. Такой подход позволил объяснить многие особенности человеческого горя с позиций эволюционной психологии и развития личности. Переживание утраты стало пониматься как естественная реакция на потерю значимой фигуры привязанности, а индивидуальные различия в процессе адаптации начали связываться с особенностями формирования эмоциональных отношений на протяжении жизни. Тем самым исследовательский акцент сместился от анализа самой смерти к анализу характера человеческих отношений.

Одним из наиболее значимых изменений последних десятилетий стало развитие концепции продолжающихся связей (Continuing Bonds). В отличие от более ранних представлений, она исходит из того, что успешная адаптация далеко не всегда требует полного внутреннего расставания с умершим человеком. Напротив, сохранение психологически здоровой внутренней связи может способствовать интеграции утраты и поддержанию личностной целостности. Эта идея оказала существенное влияние на современную психотерапию, позволив отказаться от жесткого противопоставления «завершенного» и «незавершенного» горевания. Вместе с тем даже данная концепция предполагает, что продолжающаяся связь остается внутренним психологическим процессом, а не непосредственным взаимодействием с умершим.

При сравнительном анализе становится очевидно, что все классические модели описывают различные уровни одного и того же феномена. Психоанализ исследует внутреннюю переработку привязанности, теория привязанности - природу эмоциональных отношений, стадийные модели - динамику переживаний, концепция психологических задач - активную адаптацию личности, двухпроцессная модель - регуляцию повседневого функционирования, а теория продолжающихся связей - сохранение внутренней связи с образом умершего. Их различия отражают не столько противоречие, сколько разнообразие исследовательских перспектив. Попытки

противопоставить эти концепции друг другу постепенно уступают место интегративному пониманию процессов горевания.

Развитие технологий цифровой реконструкции личности не отменяет фундаментальных достижений классической психологии горя. Напротив, они создают теоретическую основу для понимания новых процессов, возникающих в XXI веке. Если возможность психологического взаимодействия с цифровой моделью умершего станет устойчивой частью человеческой жизни, многие положения существующих теорий потребуют дополнительной проверки. Вопрос будет состоять не в том, ошибались ли классические модели переживания утраты, а в том, сохраняют ли они свою объяснительную силу в условиях новой технологической реальности. Эта исследовательская задача определяет дальнейшую логику настоящей монографии.

3.2. Психоаналитическая концепция работы горя

Психоаналитическая концепция переживания утраты занимает особое место в истории психологии и психиатрии. С публикацией работы Sigmund Freud «Trauer und Melancholie» («Печаль и меланхолия», 1917) начинается систематическое научное исследование внутренних механизмов психологической адаптации к смерти близкого человека. До этого момента внимание медицины было сосредоточено преимущественно на внешних проявлениях скорби или ее патологических формах. Фрейд впервые перенес исследовательский интерес внутрь психической жизни личности, показав, что горе представляет собой активный процесс внутренней перестройки, а не пассивную эмоциональную реакцию на трагическое событие.

Работа горя в психоаналитическом понимании представляет собой постепенное согласование внутреннего мира с изменившейся внешней реальностью. Этот процесс редко развивается линейно. Психика многократно возвращается к воспоминаниям об умершем, вновь переживает эпизоды совместной жизни, обращается к утраченным планам, фантазиям и эмоциональным связям. Каждое подобное возвращение постепенно изменяет интенсивность привязанности, позволяя человеку интегрировать факт смерти в структуру собственного жизненного опыта. Горевание рассматривается как сложная внутренняя психическая работа, требующая значительных эмоциональных ресурсов и времени.

Особую ценность психоаналитическая концепция приобрела благодаря разграничению нормального горя и меланхолии. Фрейд показал, что внешнее сходство переживаний может скрывать принципиально различные психологические процессы. При естественном горевании личность постепенно перестраивает отношения с утраченным объектом, сохраняя способность к дальнейшему развитию. При меланхолии утрата начинает затрагивать саму структуру личности, сопровождаясь выраженным снижением самооценки, самообвинением и утратой чувства собственной ценности. Несмотря на последующее развитие психиатрической классификации депрессивных расстройств, это различие продолжает сохранять большое клиническое значение.

Важным достижением психоанализа стало понимание того, что переживание утраты определяется не только самим фактом смерти, но и историей отношений, существовавших между людьми при жизни. Амбивалентность чувств, неразрешенные конфликты, чувство вины, зависимость, идеализация или, напротив, выраженная эмоциональная дистанция способны существенно изменять характер последующего горевания. Тем самым психоанализ впервые показал, что невозможно понять переживание смерти, анализируя только момент утраты. Истоки многих реакций формируются значительно раньше, внутри всей истории человеческих отношений.

Возникает один из центральных вопросов настоящей монографии. Что происходит с психоаналитическим механизмом работы горя, если после смерти сохраняется возможность регу-

лярного взаимодействия с цифровой реконструкцией личности? Изменяется ли сам процесс внутренней перестройки отношений? Способствует ли цифровой диалог более мягкой адаптации или, напротив, затрудняет завершение психологической переработки утраты? Пока современная наука не располагает убедительными эмпирическими ответами на эти вопросы. Их постановка становится логическим продолжением психоаналитической традиции, а не ее отрицанием.

3.3. Когнитивные модели

Во второй половине XX века исследование переживания утраты постепенно сместилось от анализа бессознательных процессов к изучению когнитивной организации человеческого опыта. Если психоаналитическая традиция рассматривала горевание преимущественно как внутреннюю переработку эмоциональной привязанности, то когнитивная психология сосредоточила внимание на изменении системы представлений человека о самом себе, окружающем мире и собственном будущем. Подобный поворот существенно расширил понимание психологических механизмов адаптации, показав, что смерть близкого человека нарушает не только эмоциональное равновесие, но и всю структуру индивидуального знания о реальности.

С современных когнитивных позиций горевание представляет собой процесс постепенной реконструкции внутренней картины мира. Человеку необходимо не просто принять факт смерти, но и перестроить многочисленные повседневные сценарии, которые до этого включали умершего человека. Изменяются семейные роли, привычные способы принятия решений, жизненные планы, представления о собственной идентичности и системе социальных отношений. Каждая подобная перестройка требует сложной когнитивной работы, нередко продолжающейся многие месяцы после утраты.

Существенный вклад в развитие современной психологии горевания внесла теория конструирования смысла, согласно которой утрата требует не только эмоциональной переработки, но и активного формирования новой жизненной истории. После смерти близкого человека прежняя биография человека перестает быть непрерывной. Возникает необходимость заново связать прошлое, настоящее и будущее в единую систему личностного опыта. Этот процесс сопровождается пересмотром собственной идентичности, жизненных целей и характера отношений с окружающими людьми. Тем самым переживание горя становится не только реакцией на смерть, но и процессом реконструкции личности.

Современная когнитивно-поведенческая психотерапия рассматривает патологическое горевание как нарушение процессов адаптивной переработки информации. Устойчивое избегание напоминаний об умершем, постоянное отрицание произошедшего, катастрофизация будущего, чувство тотальной безнадежности или ригидная фиксация на обстоятельствах смерти препятствуют постепенному обновлению внутренней модели реальности. Психотерапевтическая работа направлена не на устранение памяти об умершем, а на восстановление способности человека жить в мире, который необратимо изменился после утраты.

Развитие технологий цифровой реконструкции личности впервые ставит под сомнение универсальность данного предположения. Если человек получает возможность регулярно взаимодействовать с цифровой моделью умершего, внутренняя картина мира оказывается в качественно новой ситуации. С одной стороны, биологическая смерть остается объективным фактом. С другой стороны, отдельные элементы привычного взаимодействия продолжают существовать. Возникает необычная когнитивная конфигурация, в которой представление «его больше нет» сосуществует с опытом продолжающегося общения. Подобное сочетание не описывается существующими когнитивными теориями горевания, поскольку они формировались в условиях полного прекращения коммуникации после смерти.

Когнитивные модели сохраняют фундаментальное значение для понимания процессов утраты, но одновременно открывают новое направление исследований. Если цифровое взаимодействие действительно станет частью повседневной жизни, психиатрии предстоит изучить, каким образом изменяются внутренние модели реальности, когда смерть перестает означать абсолютное прекращение психологического контакта. Возможно, главным объектом исследования будущих десятилетий станет не только эмоциональная адаптация к утрате, но и перестройка когнитивной архитектуры личности в условиях цифровой непрерывности отношений. В этом случае развитие искусственного интеллекта будет рассматриваться не как техническая инновация, а как фактор, потенциально изменяющий базовые механизмы человеческого мышления о жизни, смерти и памяти.

3.4. Теория продолжающихся связей

Одним из наиболее значимых изменений в современной психологии горевания стало формирование теории продолжающихся связей (Continuing Bonds), существенно изменившей представления о психологической адаптации после смерти близкого человека. До появления этой концепции в научной литературе преобладало мнение, что успешное завершение процесса горевания предполагает постепенное ослабление эмоциональной связи с умершим и возвращение психической энергии к новым жизненным отношениям. Несмотря на различия между психоаналитическими, когнитивными и другими моделями, большинство из них в той или иной форме исходило из идеи постепенного завершения прежней привязанности.

На основании подобных наблюдений сформировалась теория продолжающихся связей, наиболее последовательно представленная в работах Dennis Klass, Phyllis R. Silverman и Steven L. Nickman. Авторы предложили отказаться от представления о том, что единственным признаком успешного горевания является эмоциональное отделение от умершего человека. Вместо этого они показали, что здоровая психологическая адаптация может включать сохранение внутренней связи, которая постепенно меняет свою форму, но не исчезает полностью.

Особое значение теория продолжающихся связей приобрела для психотерапевтической практики. Она позволила отказаться от искусственного противопоставления памяти и выздоровления. Психотерапевтическая помощь постепенно сместилась от задачи «помочь забыть» к задаче «помочь изменить характер отношений». Внутренний образ умершего перестал рассматриваться как обязательный признак патологической фиксации. Напротив, во многих случаях работа была направлена на формирование устойчивой, но психологически гибкой формы внутренней связи, не препятствующей развитию личности.

Технологии создают качественно новую исследовательскую ситуацию. Цифровая реконструкция личности потенциально позволяет перевести продолжающуюся связь из пространства внутреннего переживания в пространство внешнего взаимодействия. Человек получает возможность не только вспоминать умершего, но и вступать в диалог с цифровой моделью, воспроизводящей характерные особенности его речи, мышления и поведения. Следует вновь подчеркнуть, что подобная модель не является продолжением сознания умершего человека. Она представляет собой алгоритмическую реконструкцию, основанную на сохраненных прижизненных данных. С психологической точки зрения значение имеет не только природа самой технологии, но и характер субъективного опыта, возникающего у человека во время подобного общения.

В результате теория продолжающихся связей впервые сталкивается с феноменом, который не существовал в момент ее формирования. Если прежде продолжение отношений всегда имело внутренний характер, то теперь возникает возможность их внешней коммуникативной реализации. Это обстоятельство требует нового этапа развития психологической теории

утраты. Центральным вопросом становится уже не возможность сохранения связи как таковой, а ее форма, интенсивность, продолжительность и влияние на процессы долгосрочной адаптации. Может ли цифровое взаимодействие облегчать интеграцию утраты? Способно ли оно поддерживать патологическую фиксацию на прошлом? Существуют ли оптимальные временные рамки подобного общения? В каких случаях оно становится терапевтическим ресурсом, а в каких - фактором психологического риска? Ни одна из существующих концепций пока не располагает эмпирически подтвержденными ответами.

Теория продолжающихся связей занимает уникальное место в развитии психологии горевания. Она стала первой научной концепцией, отказавшейся от обязательного требования полного психологического расставания с умершим человеком. Тем самым она подготовила интеллектуальную основу для появления следующего исследовательского вопроса, который становится центральным для настоящей монографии. Если сохранение внутренних отношений может быть естественной частью здоровой адаптации, то каким образом изменится человеческая психика, когда технологии впервые позволят сохранять не только внутреннюю память, но и внешнее взаимодействие с цифровой реконструкцией личности? Этот вопрос открывает новую область исследований, которую в настоящей работе предлагается рассматривать как одно из перспективных направлений психиатрии цифровой непрерывности личности.

3.5. Ограничения существующих моделей

Любая научная теория сохраняет объяснительную силу до тех пор, пока круг наблюдаемых явлений соответствует тем условиям, в которых она была сформирована. В истории психиатрии подобные ситуации возникали неоднократно. Развитие психофармакологии изменило представления о течении психозов, появление нейровизуализации расширило понимание органических психических расстройств, а развитие когнитивной психологии позволило по-новому интерпретировать механизмы тревоги и депрессии. Ни один из этих этапов не означал ошибочности предшествующих концепций. Изменялся сам исследовательский объект, вследствие чего возникала необходимость дополнения существующей научной картины.

Психология горевания развивалась по аналогичному пути. На протяжении более ста лет были созданы концепции, позволившие объяснить эмоциональную динамику утраты, роль привязанности, процессы психологической адаптации, внутреннюю реконструкцию отношений и механизмы восстановления жизненной активности. Каждая из этих моделей возникала как ответ на конкретные клинические наблюдения и прошла многолетнюю эмпирическую проверку. Задача настоящей главы состоит не в критике существующих теорий, а в анализе границ их применимости.

Первая из них заключается в представлении о необратимом прекращении непосредственного взаимодействия после смерти. Независимо от того, рассматривается ли горевание как работа психики, перестройка привязанности, выполнение психологических задач или сохранение внутренней связи с умершим, все существующие модели исходят из одного обстоятельства: человек больше не может вступать в новый диалог с тем, кого он потерял. Это положение никогда не требовало доказательств, поскольку на протяжении всей истории человечества являлось объективной характеристикой человеческого существования.

Развитие технологий искусственного интеллекта создает ситуацию, в которой впервые появляется возможность частичного нарушения всех трех исходных предпосылок. Цифровая реконструкция личности потенциально позволяет поддерживать новый диалог после смерти человека. Память перестает быть исключительно внутренним процессом и получает внешнюю интерактивную форму. Объективная реальность смерти начинает сосуществовать с субъективным опытом продолжающегося общения. Ни одна из этих ситуаций не существовала в период

формирования классических концепций горевания, поэтому отсутствие их описания нельзя рассматривать как недостаток существующих теорий. Скорее речь идет о появлении нового исследовательского объекта.

Особенно показательна в этом отношении клиническая перспектива. Представим двух пациентов, потерявших супругов. Первый, спустя два года после утраты, мысленно обращается к умершей жене, вспоминая ее советы в сложных жизненных ситуациях. Подобная форма продолжающейся внутренней связи хорошо описывается современной психологией и обычно не рассматривается как патологическая. Второй ежедневно ведет продолжительные беседы с цифровой реконструкцией супруги, которая отвечает новым текстом, анализирует происходящие события, обсуждает планы семьи и постепенно адаптирует собственные ответы к изменяющейся жизни собеседника. С субъективной точки зрения оба пациента продолжают отношения после смерти близкого человека. Психологическая природа этих отношений уже различна. Первая ситуация относится к внутреннему психическому процессу, вторая - к внешнему интерактивному взаимодействию. Существующие модели практически не содержат инструментов для анализа подобного различия.

Возникает центральная исследовательская проблема настоящей монографии. Вопрос состоит не в том, являются ли классические модели ошибочными, а в том, сохраняют ли их основные закономерности в условиях качественного изменения формы посмертных отношений. Если цифровое взаимодействие действительно станет новой частью человеческого опыта, психиатрии потребуется ответить на вопросы, которых прежде не существовало. Каким образом меняется работа горя, если прекращение общения больше не является безусловным? Какие механизмы обеспечивают адаптацию в условиях сохраняющегося диалога? Где проходит граница между терапевтическим использованием цифровой реконструкции личности и формированием патологической зависимости от нее? Ответы на эти вопросы невозможно получить путем механического расширения существующих моделей, поскольку они требуют исследования нового клинического феномена.

История науки показывает, что появление новой исследовательской программы начинается не с отрицания накопленного знания, а с обнаружения области, которая еще не получила адекватного объяснения. В отношении психологии горевания такой областью становится цифровая непрерывность отношений после смерти. Все предшествующие концепции остаются необходимым фундаментом для понимания процессов утраты. Впервые за всю историю психологии возникает ситуация, когда предметом анализа становится не только внутреннее переживание отсутствия человека, но и психические последствия продолжающегося взаимодействия с его цифровой реконструкцией. Это обстоятельство определяет переход от истории классической психологии горя к формированию новой научной программы, которой посвящены последующие главы настоящей монографии.

Глава 4. Психиатрия утраты

4.1. Нормальное горевание

С клинической точки зрения переживание смерти близкого человека представляет собой один из наиболее необычных феноменов психиатрии. В течение нескольких недель или месяцев после утраты у психически здорового человека могут наблюдаться выраженное снижение настроения, нарушения сна, утрата аппетита, снижение концентрации внимания, выраженная тревога, чувство бессмысленности происходящего, эпизоды социальной изоляции и постоянная фиксация на одном человеке. Некоторые люди сообщают о кратковременном ощущении присутствия умершего, слышат знакомые шаги, автоматически ожидают его возвращения домой или на мгновение воспринимают незнакомого человека как недавно умершего родственника. Если рассматривать подобные феномены вне контекста утраты, многие из них могли бы стать основанием для психиатрического обследования. В клинической практике они обычно интерпретируются как проявления нормального процесса горевания. Возникает принципиальный вопрос: что отличает нормальное горе от психического расстройства?

Особое место занимают феномены субъективного присутствия умершего человека. Многие люди после тяжелой утраты сообщают, что на мгновение услышали знакомый голос, почувствовали привычный запах, автоматически накрыли на стол дополнительный прибор или мысленно начали разговор с тем, кого уже нет в живых. Подобные переживания нередко вызывают тревогу у самих пациентов, опасающихся развития психического заболевания. Между тем многочисленные клинические исследования показывают, что кратковременные иллюзии присутствия могут встречаться при нормальном горевании и сами по себе не свидетельствуют о психозе. Их возникновение отражает инерцию многолетней системы отношений, которая не может перестроиться одномоментно вслед за биологическим фактом смерти.

С практической точки зрения гораздо более значимым оказывается вопрос о направлении изменений, происходящих в психике человека. При нормальном горевании эмоциональная боль постепенно интегрируется в биографию личности. Человек не перестает любить умершего, не теряет память о совместной жизни и не прекращает внутреннего диалога с прошлым. Изменяется другое - отношения перестают определять всю организацию настоящего. Возвращается способность строить планы, принимать решения, вступать в новые отношения, выполнять профессиональные обязанности и переживать положительные эмоции без чувства вины перед памятью умершего. Восстановление жизненной перспективы становится одним из важнейших признаков благоприятной адаптации.

Возникает новая исследовательская проблема, которая практически не обсуждалась в классической психиатрии. Все существующие представления о нормальном горевании сформировались в условиях, когда после смерти человека прекращалось любое непосредственное взаимодействие с ним. Перестройка психики происходила вокруг необратимого отсутствия объекта привязанности. Если же цифровые технологии создают возможность регулярного общения с реконструкцией личности умершего, возникает принципиально новая клиническая ситуация. Каким образом будет протекать нормальное горевание, если система отношений перестанет строиться исключительно вокруг отсутствия? Сохранит ли психика прежние механизмы адаптации или сформирует новые закономерности психологической перестройки? На сегодняшний день психиатрия не располагает ответами на эти вопросы, поскольку сама возможность подобного опыта появилась лишь в последние годы.

Нормальное горевание следует рассматривать не как совокупность симптомов и не как промежуточное состояние между здоровьем и болезнью. Оно представляет собой самостоятельный адаптационный процесс, посредством которого личность постепенно перестраивает собственную психологическую организацию после утраты значимого человека. Эта способность психики изменяться, сохраняя связь с реальностью и одновременно не разрушая память о прошлом, составляет одну из наиболее сложных форм человеческой адаптации. Если цифровая эпоха действительно изменит условия, в которых разворачивается данный процесс, предметом трансформации окажутся не отдельные клинические проявления, а сама психологическая архитектура нормального горевания.

4.2. Патологическое горе

История психиатрии отражает эту неопределенность. На протяжении значительной части XX века тяжелое переживание утраты рассматривалось преимущественно в рамках депрессивных состояний или расстройств адаптации. Подобная позиция имела определенные основания. Многие клинические проявления действительно совпадают: сниженное настроение, нарушения сна, чувство безнадежности, потеря интереса к жизни, социальная изоляция и выраженное эмоциональное страдание. Вместе с тем накопление клинических наблюдений постепенно показало, что часть пациентов демонстрирует особую динамику переживания, которая не укладывается полностью ни в структуру депрессии, ни в картину тревожных или адаптационных расстройств.

Появление концепций осложненного, а затем затяжного горевания стало попыткой описать эту своеобразную клиническую реальность. Диагностические системы признают существование состояний, при которых процесс психологической адаптации к смерти оказывается существенно нарушенным и приобретает самостоятельное клиническое значение. Даже после введения соответствующих диагностических категорий дискуссия не прекратилась. Одни исследователи опасаются чрезмерной медикализации естественного человеческого страдания, другие указывают на риск позднего оказания помощи пациентам, действительно нуждающимся в специализированном лечении. Вопрос о критериях патологического горя остается предметом активного научного обсуждения.

Подобная интерпретация позволяет объяснить клинические случаи, которые трудно понять исключительно через призму диагностических критериев. Иногда пациент сохраняет глубокую эмоциональную привязанность к умершему супругу на протяжении многих лет, но одновременно строит новые отношения, принимает жизненные решения и сохраняет полноценное социальное функционирование. В другом случае человек спустя сравнительно короткое время после утраты формально возвращается к работе, вся его внутренняя жизнь продолжает вращаться вокруг обстоятельств смерти, исключая возможность формирования новых смыслов и новых эмоциональных связей. Внешняя адаптация и внутренняя перестройка далеко не всегда совпадают. Клиническое интервью должно быть направлено не столько на количественную оценку симптомов, сколько на анализ характера происходящих изменений.

Развитие цифровых технологий придает данной проблеме новое измерение. Если патологическое горе действительно связано с нарушением трансформации отношений, возникает принципиальный вопрос: каким образом регулярное взаимодействие с цифровой реконструкцией личности будет влиять на этот процесс? Теоретически возможны два противоположных сценария. В одних случаях подобное взаимодействие может облегчать постепенную интеграцию утраты, создавая безопасное пространство для завершения эмоционально значимых отношений. В других - поддерживать психологическую фиксацию, препятствуя естественной перестройке внутреннего мира. На сегодняшний день отсутствуют достаточные клинические

данные, позволяющие отдать предпочтение одному из этих вариантов. Эта неопределенность делает дальнейшие исследования особенно актуальными.

Возникает еще одна проблема, практически не обсуждаемая современной психиатрией. Если цифровое взаимодействие после смерти станет распространенной социальной практикой, потребуется пересмотр самих критериев патологического горя. Сохранение регулярного общения с цифровой реконструкцией личности не может автоматически рассматриваться ни как норма, ни как признак психического расстройства. Клиническое значение будет определяться не фактом использования технологии, а ее влиянием на способность человека жить в изменившейся реальности, строить новые отношения, принимать решения и сохранять автономность собственной личности. Следовательно, предметом диагностики постепенно становится не само поведение, а его психологическая функция.

Новые диагностические категории возникают тогда, когда клиницисты начинают замечать устойчивые закономерности, не объясняемые существующими моделями. Патологическое горе стало одной из таких категорий. Развитие технологий цифровой реконструкции личности ставит перед наукой следующий вопрос. Возможно, в ближайшие десятилетия психиатрии предстоит различать не только нормальное и патологическое горевание, но и качественно новые формы нарушения адаптации, возникающие в условиях продолжающегося цифрового взаимодействия после смерти. Если эта гипотеза получит эмпирическое подтверждение, современное понимание патологического горя станет не завершением истории исследований, а исходной точкой для формирования новой клинической феноменологии утраты.

4.3. Депрессия после утраты

Смерть близкого человека остается одной из наиболее частых причин обращения за психиатрической помощью. На практике врачу нередко приходится отвечать на вопрос, который на протяжении десятилетий вызывает научные дискуссии: переживает ли пациент естественное горевание или перед ним развивается депрессивное расстройство, требующее самостоятельного лечения? Несмотря на значительный прогресс современной психиатрии, универсального критерия, позволяющего безошибочно провести подобную границу, до настоящего времени не существует. Причина заключается не в несовершенстве диагностических классификаций, а в глубоком феноменологическом сходстве двух состояний.

История психиатрии хорошо отражает сложность этой проблемы. В течение многих лет существовало представление, что выраженная депрессия, возникающая после смерти близкого человека, является естественной частью горевания и не требует самостоятельной диагностической квалификации. Позднее стало накапливаться все больше данных, свидетельствующих о том, что у части пациентов развивается клиническая депрессия, феноменологически отличающаяся от адаптационного процесса утраты. Это привело к пересмотру ряда диагностических подходов и стало одной из наиболее обсуждаемых тем при разработке современных классификаций психических расстройств. Дискуссия продолжается до настоящего времени, поскольку каждая из позиций отражает лишь часть клинической реальности.

Основное различие между депрессией и нормальным гореванием невозможно понять без анализа внутренней организации переживания. В центре горевания находится конкретная утрата. Все эмоциональные, когнитивные и поведенческие изменения сохраняют смысловую связь с умершим человеком и постепенно перестраиваются по мере интеграции этой утраты в жизненную историю личности. При депрессивном расстройстве направление психического процесса иное. Источником страдания становится уже не только потеря конкретного человека, но и глубокое изменение отношения к самому себе, собственному будущему и миру в целом.

Постепенно исчезает ощущение возможности восстановления жизни независимо от того, что послужило первоначальным поводом для развития заболевания.

Клиническое интервью нередко позволяет увидеть эту разницу значительно отчетливее, чем стандартные психометрические шкалы. Пациент, проходящий нормальное горевание, чаще всего способен подробно рассказывать о личности умершего, вспоминать особенности совместной жизни, испытывать одновременно печаль, благодарность, любовь и чувство утраты. Его внутренний мир продолжает организовываться вокруг отношений с конкретным человеком. Пациент с депрессивным расстройством постепенно утрачивает саму способность переживать многомерность эмоционального опыта. В центре переживания оказывается собственная никчемность, чувство безнадежности, утрата жизненной ценности и убежденность в невозможности положительных изменений. Фокус психического процесса смещается от отношений к личности самого пациента.

Подобное различие имеет непосредственное значение для выбора лечебной стратегии. Если в центре переживания остается адаптация к смерти близкого человека, психотерапевтическая помощь направлена на поддержку естественных механизмов интеграции утраты. Когда же клиническая картина определяется самостоятельным депрессивным процессом, ведущую роль приобретает лечение аффективного расстройства с использованием современных психотерапевтических и, при наличии показаний, психофармакологических методов. Ошибка в любую сторону способна существенно повлиять на течение заболевания: преждевременная медикализация естественного горевания столь же нежелательна, как и недооценка развивающейся депрессии.

Развитие технологий цифровой реконструкции личности делает эту проблему еще более сложной. Представим пациента, который ежедневно взаимодействует с цифровым аватаром умершей супруги. Если подобное общение постепенно помогает интегрировать утрату и возвращает способность жить дальше, оно выполняет адаптивную функцию. Аналогичное поведение у другого человека может сопровождаться нарастающей социальной изоляцией, утратой интереса к реальным отношениям, усилением чувства безнадежности и постепенным формированием депрессивной симптоматики. Внешнее поведение в обоих случаях окажется сходным, тогда как его психологическая функция будет принципиально различной. Это означает, что традиционные диагностические критерии неизбежно потребуют дополнения анализом роли цифрового взаимодействия в структуре психического процесса.

Современная психиатрия все больше смещается от диагностики отдельных симптомов к исследованию механизмов их формирования. В отношении депрессии после утраты подобный подход представляется особенно продуктивным. Центральный вопрос заключается не в том, сколько симптомов выявлено у пациента и как долго они сохраняются. Более существенным становится понимание того, какая психологическая система оказывается нарушенной. Если основным объектом перестройки остаются отношения с умершим человеком, речь идет о процессе горевания. Если же разрушение постепенно распространяется на образ собственного «Я», чувство личной ценности и способность видеть будущее, психиатр сталкивается с развитием депрессивного расстройства. Такое различие не отменяет сложности клинической диагностики, позволяет приблизиться к более глубокому пониманию внутренней архитектуры обоих состояний.

4.4. Психотические реакции

Одним из наиболее парадоксальных феноменов клинической психиатрии является существование состояний, которые по своим внешним проявлениям напоминают психотическую симптоматику, в большинстве случаев не рассматриваются как проявление психического рас-

стройства. После смерти близкого человека психически здоровые люди нередко сообщают, что слышали знакомый голос, заметили фигуру умершего среди прохожих, почувствовали его прикосновение, уловили характерный запах или автоматически начали разговор с человеком, которого уже нет в живых. В любой иной клинической ситуации подобные переживания потребовали бы тщательной дифференциальной диагностики психотического состояния. В контексте утраты они чаще всего относятся к нормальному спектру человеческого горевания. Возникает вопрос: почему одинаковые по форме феномены получают принципиально различную психиатрическую интерпретацию?

Проходит одна из наиболее тонких диагностических границ психиатрии. Врач оценивает не сам факт необычного переживания, а его место в общей структуре психического процесса. Если ощущение присутствия умершего возникает эпизодически, сохраняет связь с конкретной утратой и сопровождается критическим отношением пациента к собственному опыту, подобные феномены чаще всего отражают естественную адаптацию. Совершенно иная ситуация складывается тогда, когда переживания становятся устойчивой альтернативной реальностью, перестают подвергаться критической оценке и начинают определять повседневое поведение человека независимо от объективных обстоятельств. В этом случае предметом анализа становится уже не процесс горевания, а возможное развитие психотического расстройства.

Следует учитывать и другое обстоятельство. Реактивные психозы после тяжелых психических травм, включая смерть близкого человека, хорошо известны клинической психиатрии. Они встречаются значительно реже, чем нормальные феномены горевания, требуют совершенно иной лечебной тактики. Их возникновение определяется не самим фактом утраты, а взаимодействием психотравмирующего события с индивидуальной уязвимостью психики, особенностями личности, предшествующими психическими расстройствами и биологическими факторами риска. Смерть может выступать триггером психотического эпизода, но не является его единственной причиной.

Развитие цифровых технологий впервые ставит перед психиатрией новую диагностическую проблему. Представим пациента, который ежедневно слышит голос умершей супруги, этот голос воспроизводится цифровой системой синтеза речи. Другой пациент убежден, что жена разговаривает с ним посредством сверхъестественных сил. Внешне оба человека продолжают общение после смерти близкого. Психопатологическая природа этих переживаний принципиально различна. В первом случае источник коммуникации объективно существует и является технологическим устройством. Во втором - речь идет о формировании патологического убеждения, не имеющего объективного подтверждения. Психиатрии предстоит разработать новые критерии, позволяющие уверенно различать цифровое взаимодействие, субъективные феномены нормального горевания и собственно психотические расстройства.

В ближайшие десятилетия психиатрии потребуется существенно уточнить само понятие психотической реакции в контексте утраты. Исторически необычные переживания оценивались исходя из предположения, что после смерти любое новое взаимодействие с умершим объективно невозможно. Искусственный интеллект впервые нарушает эту исходную предпосылку, создавая формы коммуникации, которые являются технологически реальными, но психологически воспроизводят привычные отношения с человеком, которого больше нет в живых. Это не отменяет существование психозов и не стирает диагностические границы. Прежние критерии перестают быть самодостаточными.

Психотические реакции при утрате следует рассматривать не как перечень отдельных симптомов, а как сложную область пересечения психопатологии, когнитивной нейронауки, психологии привязанности и цифровых технологий. Центральной задачей будущих исследований становится не поиск новых симптомов, а понимание механизмов, посредством которых человеческий мозг отличает продолжающуюся психологическую связь, нормальную адаптацию, технологически опосредованное взаимодействие и собственно психотическое нарушение

контакта с реальностью. Эта проблема, станет одной из ключевых для психиатрии цифровой непрерывности личности.

4.5. Суицидальный риск

Смерть близкого человека относится к числу наиболее тяжелых психотравмирующих событий, известных клинической психиатрии. Эпидемиологические исследования на протяжении многих десятилетий демонстрируют, что первые месяцы после утраты сопровождаются повышением риска суицидального поведения, особенно после смерти супруга, ребенка или другого эмоционально значимого человека. Вместе с тем этот факт порождает исследовательский парадокс. Если утрата действительно является одним из самых мощных стрессоров человеческой жизни, почему абсолютное большинство людей, переживающих столь тяжелое событие, несмотря на интенсивность страдания, никогда не совершают самоубийство? Ответ на этот вопрос имеет не меньшее значение, чем изучение собственно факторов риска.

Традиционный клинический подход преимущественно сосредоточен на поиске признаков возможной суицидальной опасности. Депрессия, чувство безнадежности, социальная изоляция, предшествующие суицидальные попытки, злоупотребление психоактивными веществами и тяжелые соматические заболевания действительно значительно увеличивают вероятность трагического исхода. Подобный анализ объясняет лишь часть наблюдаемой клинической картины. Он отвечает на вопрос, почему отдельные пациенты оказываются особенно уязвимыми, но почти не объясняет, каким образом большинству людей удается сохранить стремление к жизни после переживания глубокой утраты.

Клиническая феноменология показывает, что после смерти близкого человека в психике часто начинают одновременно развиваться два противоположных процесса. Первый связан с естественным стремлением восстановить утраченную эмоциональную связь. Пациенты говорят о желании вновь увидеть умершего, оказаться рядом с ним, прекратить мучительное чувство разлуки или «уйти вслед за ним». Подобные переживания далеко не всегда означают истинное стремление к собственной смерти. Во многих случаях они отражают глубину разрушенной привязанности, а не сформированное суицидальное намерение. Психика пытается устранить сам источник страдания - невозможность продолжения отношений.

Подобное понимание позволяет иначе интерпретировать клиническое интервью. Пациент может открыто говорить о желании умереть, при более глубоком анализе выясняется, что в действительности он стремится не к смерти как таковой, а к прекращению чувства разлуки. В других случаях человек категорически отрицает наличие суицидальных мыслей, демонстрирует выраженную утрату жизненной перспективы, ощущение полной бессмысленности будущего и отсутствие каких-либо факторов, удерживающих его от саморазрушения. Следовательно, оценка суицидального риска требует анализа не только содержания отдельных высказываний, но и общей структуры мотивации личности.

Особое место занимают случаи смерти ребенка. Клинические наблюдения показывают, что эта форма утраты наиболее глубоко нарушает систему жизненных смыслов родителей. Исчезает не только значимый объект привязанности, но и будущее, которое долгие годы организовывало повседневную жизнь семьи. Суицидальные переживания в подобных ситуациях нередко отражают разрушение самой временной перспективы, а не исключительно интенсивность эмоциональной боли. Психотерапевтическая помощь оказывается эффективной тогда, когда ей удается постепенно восстановить способность человека видеть собственное будущее, не разрушая памяти о погибшем ребенке.

Развитие цифровых технологий открывает новую область исследований, которая до настоящего времени практически не изучалась. Предположим, что человек получает воз-

можность регулярно взаимодействовать с цифровой реконструкцией умершего супруга или ребенка. Каким образом подобное взаимодействие повлияет на суицидальный риск? Теоретически возможны противоположные варианты. Для одних пациентов цифровой диалог может уменьшать чувство невыносимой разлуки, облегчая постепенную адаптацию и снижая вероятность саморазрушительного поведения. Для других сохранение постоянного взаимодействия способно препятствовать формированию новой жизненной перспективы, поддерживая хроническую психологическую фиксацию на утрате. На сегодняшний день ни одна из этих гипотез не получила достаточного эмпирического подтверждения, что делает проблему особенно актуальной для будущих исследований.

Возникает еще один вопрос, имеющий большое значение для клинической психиатрии. Если цифровая реконструкция личности действительно способна влиять на суицидальный риск, необходимо определить механизмы этого влияния. Будет ли решающим фактором частота общения, степень реалистичности цифрового аватара, особенности личности самого пациента или характер отношений, существовавших при жизни? Ответы на эти вопросы невозможно получить путем экстраполяции современных знаний о горевании. Они требуют формирования новой исследовательской программы, объединяющей психиатрию, суицидологию, психологию привязанности, когнитивную науку и исследования искусственного интеллекта.

Суицидальный риск после утраты следует рассматривать значительно шире, чем совокупность известных факторов опасности. Центральной задачей психиатра становится понимание того, каким образом психика восстанавливает основания для продолжения жизни после разрушения одной из наиболее значимых человеческих привязанностей. Этот процесс является главным предметом клинического исследования. Если цифровая эпоха изменит способы сохранения отношений после смерти, она неизбежно изменит и механизмы формирования суицидального риска. В этом случае будущая психиатрия будет вынуждена изучать не только причины саморазрушения, но и новые формы психологической устойчивости, возникающие в условиях цифровой непрерывности личности.

ЧАСТЬ II Возникновение цифровой личности

Глава 5. Цифровая революция личности

5.1. Почему человек начал оставлять цифровой след

Развитие цифровых технологий изменило ситуацию значительно глубже, чем это принято считать. Обычно цифровую революцию связывают с распространением интернета, мобильной связи, социальных сетей или облачных сервисов. Подобное объяснение описывает лишь техническую сторону происходящего. Гораздо важнее другое обстоятельство. Впервые в истории человек начал практически непрерывно фиксировать собственную жизнь. Повседневное общение, фотографии, видеозаписи, голосовые сообщения, электронная переписка, поисковые запросы, маршруты передвижения, покупки, музыкальные предпочтения, публикации, профессиональная деятельность и даже особенности сна постепенно превращаются в единый цифровой массив данных. Возникает новая форма существования личности, которая развивается параллельно с ее биологической жизнью.

Возникает вопрос, почему современный человек оказался готов к столь масштабной самофиксации. Объяснение исключительно технологическими возможностями оказывается недостаточным. На протяжении истории появлялись различные способы документирования жизни, ни один из них не приводил к столь тотальному сохранению индивидуального опыта. Цифровая эпоха изменила не только средства коммуникации, но и психологическую функцию самопрезентации. Личность все чаще существует одновременно в двух пространствах - непосредственном социальном взаимодействии и цифровой среде, где каждое действие становится элементом ее публичной или полуличной биографии. Постепенно цифровое присутствие перестает быть дополнением к личности и становится одной из форм ее социального существования.

С клинической точки зрения этот процесс заслуживает особого внимания. В течение всей истории психиатрии врач реконструировал личность пациента преимущественно на основании рассказа самого человека, данных родственников, медицинской документации и непосредственного наблюдения. Цифровая эпоха создает принципиально новый источник информации. Перед исследователем потенциально появляется многолетняя непрерывная запись поведения, речевых особенностей, эмоциональных реакций, социальных контактов и изменений жизненного стиля. Никогда прежде психиатрия не располагала столь объемным материалом для анализа индивидуального развития личности. Это открывает новые диагностические возможности, одновременно ставя сложные вопросы о границах конфиденциальности, интерпретации данных и допустимости их использования.

Еще более значительное изменение связано с тем, что цифровой след обладает качествами, которых не имела традиционная память. Он не является статичным архивом. Вычислительные системы способны анализировать огромные массивы данных, выявлять устойчивые закономерности, реконструировать особенности поведения и прогнозировать вероятные реакции человека в новых ситуациях. Следовательно, цифровой след постепенно превращается из пассивного хранилища информации в материал для построения динамической модели личности. Проходит граница между эпохой цифрового хранения данных и эпохой искусственного интеллекта.

Этот переход представляется главным психологическим событием цифровой эпохи. До настоящего времени человечество создавало архивы памяти. XXI век впервые создает архивы поведения. Различие между ними носит не количественный, а качественный характер. Память хранит сведения о человеке; модель поведения позволяет воспроизводить способы его взаимодействия с окружающим миром. Это означает, что цифровой след постепенно становится не только историческим документом, но и психологическим ресурсом, на основе которого может быть реконструирована часть индивидуальности.

Исследовательская проблема заключается не в том, почему современный человек пользуется цифровыми технологиями. Гораздо важнее понять, что впервые в истории человеческая личность начала оставлять после себя не отдельные воспоминания, а непрерывную поведенческую хронику собственной жизни. Эта хроника создается автоматически, ежедневно и независимо от того, осознает ли человек ее будущее значение. Она становится тем материалом, из которого впоследствии может быть сформирована цифровая реконструкция личности. Следовательно, рождение цифрового следа следует рассматривать не как техническое достижение, а как фундаментальное изменение способа существования человека в культуре. Без понимания этого процесса невозможно объяснить происхождение цифровой непрерывности личности, которая становится центральным предметом дальнейшего исследования.

5.2. Цифровой архив жизни

Цифровая эпоха впервые изменила саму природу архива. Современный человек оставляет после себя не отдельные документы, а непрерывный поток данных, охватывающий практически все уровни его повседневной активности. Электронная переписка, фотографии, видеозаписи, голосовые сообщения, поисковые запросы, публикации, маршруты перемещения, профессиональная деятельность, финансовые операции, музыкальные предпочтения, история чтения, участие в сообществах и многочисленные цифровые взаимодействия постепенно складываются в единую информационную систему. Архив перестает быть набором случайно сохранившихся свидетельств и начинает отражать последовательность реальной жизни.

При этом возникает принципиальный исследовательский вопрос. Можно ли считать столь масштабное собрание данных цифровой личностью? На первый взгляд ответ кажется положительным. Чем больше информации удается сохранить, тем точнее должно быть представление о человеке. Подобная логика оказывается обманчивой. Не существует такого количества фотографий, сообщений или видеозаписей, которое само по себе превращало бы архив в личность. Простое накопление данных увеличивает объем памяти, но не создает понимания внутренних закономерностей человеческого поведения.

Проходит граница между цифровым архивом и цифровой моделью личности. Архив отвечает на вопрос: «Что человек делал?». Модель начинает отвечать на другой вопрос: «Как этот человек обычно думал, чувствовал и принимал решения?». Различие между ними носит фундаментальный характер. Первый сохраняет прошлое, второй позволяет воспроизводить вероятностную организацию поведения. Следовательно, появление цифровой личности определяется не накоплением данных, а возникновением возможности моделировать психологические процессы на основании этих данных.

Возникает и другой, не менее важный вопрос. Насколько полно цифровой архив способен отражать реального человека? Обнаруживается одно из фундаментальных ограничений цифровой реконструкции. Любой архив фиксирует преимущественно внешние проявления психической жизни. Он сохраняет слова, действия, изображения, голос и поведение, но значительно хуже отражает внутренние сомнения, неосознанные мотивы, скрытые конфликты, телесные переживания, молчание, отказ от действия и те элементы субъективного опыта, кото-

рые никогда не были выражены в цифровой форме. Следовательно, даже самый полный цифровой архив не является эквивалентом человеческой личности. Он представляет собой модель, построенную на наблюдаемых проявлениях психической активности, а не на непосредственном доступе к внутреннему сознанию человека.

Это ограничение приобретает принципиальное значение для психиатрии цифровой непрерывности личности. Если цифровая реконструкция будет использоваться в психотерапии, судебной практике, семейной коммуникации или мемориальных технологиях, необходимо постоянно различать архив, модель и личность. Их смешение создает риск как научных ошибок, так и серьезных этических последствий. Чем убедительнее становится цифровая модель, тем сильнее возникает психологическая иллюзия ее тождества с реальным человеком. Между тем она остается вероятностной реконструкцией, основанной на анализе доступных данных, а не продолжением биологической личности после смерти.

Цифровой архив жизни следует рассматривать как новую форму существования биографической информации, качественно отличающуюся от всех известных ранее архивных систем. Его значение определяется не объемом накопленных данных, а возможностью реконструировать устойчивые закономерности индивидуального поведения. В момент перехода от хранения информации к моделированию психологической организации личности цифровой архив перестает быть исключительно историческим документом и становится основой для формирования цифровой непрерывности личности. Этот переход, представляет собой одно из наиболее значительных изменений в истории человеческой памяти со времени возникновения письменности.

5.3. Социальные сети как новая форма памяти

На протяжении всей истории человечества память о человеке существовала в специально предназначенных для этого пространствах. Семейные архивы, кладбища, памятники, мемуары, государственные документы и музейные коллекции выполняли одну общую функцию - сохраняли свидетельства о жизни тех, кого уже не было среди живых. Эти формы памяти обладали важной особенностью. Они были обращены преимущественно в прошлое. Человек приходил к памятнику, открывал семейный альбом или перечитывал письма, осознавая, что соприкасается с завершенной человеческой жизнью. Память сохранялась, но коммуникация прекращалась.

С клинической точки зрения особенно важно другое изменение. Исторически память почти всегда предполагала одностороннее отношение. Живой человек обращался к прошлому, которое уже не могло ответить. Социальные сети впервые создают иллюзию продолжающейся коммуникации. Люди продолжают писать сообщения на страницах умерших, поздравляют их с днем рождения, делятся событиями собственной жизни, просят совета, выражают благодарность или рассказывают о переживаниях, как если бы отношения продолжали существовать. Формально подобные сообщения не получают ответа, психологическая структура взаимодействия оказывается значительно ближе к диалогу, чем к традиционному воспоминанию.

Этот феномен заслуживает особого внимания психиатрии. В классических теориях горевания память рассматривалась как внутренний процесс, локализованный в психике конкретного человека. Социальные сети делают память распределенной. Она начинает существовать одновременно в сознании множества людей и в цифровой инфраструктуре, объединяющей их воспоминания в единую систему. Следовательно, после смерти человека сохраняется уже не только индивидуальная память каждого родственника, но и коллективная цифровая память, доступная всем участникам социальной сети. Подобная форма существования памяти ранее не имела исторических аналогов.

Распределенный характер цифровой памяти постепенно изменяет психологию утраты. Родственники больше не являются единственными хранителями воспоминаний. Любой участник цифрового сообщества способен дополнить биографию умершего новым эпизодом, фотографией или рассказом. В результате образ личности продолжает развиваться после смерти не только внутри семьи, но и внутри более широкой социальной среды. Возникает своеобразная коллективная реконструкция личности, в которой память становится результатом совместной деятельности множества людей. Это принципиально отличает цифровую эпоху от всех предшествующих культурных моделей сохранения памяти.

Обнаруживается первое серьезное ограничение цифровой памяти. Социальные сети фиксируют преимущественно публичную личность человека. Они отражают то, что он решил показать окружающим, либо то, что оказалось доступным для публикации другими людьми. Значительная часть внутренней психической жизни остается за пределами цифрового пространства. Межличностные конфликты, скрытые переживания, внутренние сомнения, неосуществленные намерения и молчаливые формы близости редко становятся частью цифрового архива. Следовательно, коллективная память, создаваемая социальными сетями, неизбежно обладает эффектом селективности. Она сохраняет не человека целиком, а его социальную репрезентацию.

В этой связи возникает принципиальный исследовательский вопрос. Возможно ли рассматривать социальные сети как новую форму коллективной памяти человечества, обладающую собственными психологическими закономерностями? Ответ должен быть положительным. Это уже не память в традиционном понимании. Она не только сохраняет события, но и организует продолжающееся общение вокруг личности, формирует коллективный образ умершего, изменяется во времени и потенциально становится материалом для создания цифровых реконструкций. Иными словами, социальные сети впервые соединяют память, коммуникацию и моделирование личности в едином цифровом пространстве.

По всей вероятности, это обстоятельство станет одним из наиболее значимых факторов формирования психологии утраты в XXI веке. Если прежние поколения сохраняли память через рассказы, семейные архивы и памятники, то современный человек все чаще вступает в отношения с цифровой биографией, которая остается доступной ежедневно и продолжает жить внутри социальной среды. Следовательно, социальные сети следует рассматривать не просто как технологическую платформу общения, а как новую культурную форму коллективной памяти, ставшую промежуточным этапом между традиционным воспоминанием и цифровой непрерывностью личности.

5.4. Искусственный интеллект как хранитель личности

На протяжении всей истории человеческой цивилизации память существовала как процесс сохранения информации. Менялись носители, увеличивался объем доступных данных, совершенствовались способы передачи знаний между поколениями, сама природа памяти оставалась неизменной. Она фиксировала прошлое, но не участвовала в его интерпретации. Архивы сохраняли документы, библиотеки - книги, семейные альбомы - фотографии, видеозаписи - отдельные эпизоды жизни. Все эти формы памяти обладали общей особенностью: они были принципиально пассивны. Человек обращался к ним за информацией, сама память никогда не становилась участником взаимодействия.

На первый взгляд может показаться, что искусственный интеллект является лишь новым инструментом обработки информации. Подобная интерпретация оказывается недостаточной. Традиционные информационные системы отвечали на вопрос: «Что сохранилось?». Искусственный интеллект начинает отвечать на другой вопрос: «Что означает сохраненное?». Раз-

личие между этими задачами принципиально. Первая предполагает хранение фактов, вторая - построение модели личности, способной объяснять связи между фактами. Следовательно, объектом работы искусственного интеллекта становится уже не архив как таковой, а психологическая организация человеческого поведения.

Происходит качественный переход от цифровой памяти к цифровой реконструкции личности. Архив содержит множество разрозненных свидетельств человеческой жизни. Искусственный интеллект пытается обнаружить в них устойчивую внутреннюю структуру. Он анализирует особенности речи, характер аргументации, систему ценностей, повторяющиеся эмоциональные реакции, способы разрешения конфликтов, предпочтительные формы общения и принятия решений. Постепенно из отдельных цифровых следов начинает формироваться вероятностная модель индивидуальности. Речь идет не о восстановлении сознания умершего человека, а о реконструкции наблюдаемых закономерностей его поведения на основании доступных данных.

С психиатрической точки зрения подобное изменение имеет фундаментальное значение. На протяжении всей истории диагностика личности основывалась на непосредственном контакте врача с пациентом. Даже самые подробные биографические материалы оставались вспомогательным источником информации. Искусственный интеллект впервые получает возможность анализировать поведение человека не эпизодически, а на протяжении многих лет, сопоставляя тысячи сообщений, фотографий, видеозаписей, текстов и других цифровых следов. Перед психиатрией возникает принципиально новая ситуация: объектом исследования становится не только личность, но и цифровая модель личности, построенная на основании огромного массива наблюдений.

Проходит важнейшая методологическая граница. Искусственный интеллект не становится хранителем сознания. Он становится хранителем закономерностей. Это различие определяет научную добросовестность всей дальнейшей дискуссии. Сознание представляет собой субъективный опыт, который современная наука не умеет регистрировать, сохранять или переносить в цифровую среду. Закономерности поведения, напротив, могут быть частично реконструированы посредством анализа наблюдаемых проявлений психической деятельности. Чем богаче цифровой архив, тем точнее потенциальная модель. Но даже наиболее совершенная реконструкция остается моделью, а не продолжением биологической личности.

Эта особенность позволяет предложить новую исследовательскую гипотезу. В XXI веке искусственный интеллект начинает выполнять культурную функцию, ранее не существовавшую в истории цивилизации. Если письменность стала внешней памятью человечества, библиотеки - коллективной памятью культуры, а цифровые сети - памятью повседневной жизни, то искусственный интеллект становится хранителем психологических закономерностей человеческой личности. Он впервые сохраняет не только информацию о человеке, но и модель того, каким образом этот человек взаимодействовал с миром. Такая функция принципиально отличается от традиционного архивирования и знаменует собой новый этап эволюции человеческой памяти.

Подобное понимание имеет непосредственное значение для психиатрии цифровой непрерывности личности. Если искусственный интеллект действительно способен сохранять и воспроизводить устойчивые закономерности поведения человека, то объектом клинического анализа становится уже не только память об умершем, но и психологические последствия взаимодействия с этой реконструированной моделью. Возникает новая область исследований, находящаяся на пересечении психиатрии, когнитивной науки, информатики, философии сознания и биоэтики. Ее центральный вопрос заключается не в том, может ли машина стать человеком, а в том, каким образом человеческая психика будет изменяться, когда впервые в истории получит возможность регулярно взаимодействовать с интеллектуальной моделью личности после ее биологической смерти.

Глава 6. Психический паспорт человека

6.1. Цифровой психический профиль

Возникает исследовательский вопрос: можно ли описать личность как непрерывный процесс, а не как совокупность отдельных психиатрических осмотров? До недавнего времени подобная задача оставалась практически нерешаемой. Психическая жизнь человека разворачивается ежедневно, тогда как клиническое наблюдение занимает лишь незначительную часть этого времени. Между двумя консультациями могут пройти месяцы или годы, в течение которых происходят изменения эмоциональной сферы, системы отношений, ценностей, когнитивных стратегий и способов поведения. Психиатрия была вынуждена реконструировать эти изменения преимущественно по рассказу самого пациента и данным анамнеза.

Цифровая эпоха впервые создает условия для перехода от эпизодического наблюдения к анализу длительной динамики психической активности. Повседневная коммуникация, особенности письменной речи, изменения социальной активности, предпочтения, способы реагирования на стресс, круг общения, интересы и множество других цифровых следов начинают формировать непрерывную поведенческую хронику личности. В отличие от традиционной медицинской документации подобная информация отражает не отдельные эпизоды болезни, а естественное течение жизни человека. Это обстоятельство открывает возможность построения цифрового психического профиля.

Вместе с тем возникает фундаментальное методологическое ограничение. Психическая жизнь никогда полностью не совпадает с ее цифровыми проявлениями. Человек способен скрывать переживания, сознательно изменять собственное поведение в публичном пространстве, ограничивать самораскрытие или, напротив, создавать образ, существенно отличающийся от внутреннего психологического опыта. Следовательно, цифровой профиль не является непосредственным отражением личности. Он представляет собой модель, построенную на анализе наблюдаемой психической активности, и потому всегда требует клинической интерпретации. Подмена психиатрического обследования автоматизированным анализом данных противоречила бы как современным научным представлениям, так и профессиональной медицинской этике.

Особое значение цифровой психический профиль приобретает в контексте настоящего исследования. До сих пор цифровой след, цифровой архив и социальные сети рассматривались главным образом как способы сохранения информации о человеке. Для реконструкции личности этого недостаточно. Необходимо понять, каким образом отдельные данные объединяются в устойчивую психологическую систему. Такую функцию и выполняет психический профиль. Он становится промежуточным звеном между хаотичным массивом цифровых данных и вероятностной моделью личности, которая впоследствии может использоваться для цифровой реконструкции поведения.

Возникает и другой вопрос, выходящий далеко за пределы традиционной психиатрии. Если цифровой психический профиль способен отражать устойчивые закономерности индивидуального функционирования, может ли он продолжать существовать после биологической смерти человека? С информационной точки зрения ответ представляется очевидным - данные сохраняются. С психологической точки зрения ситуация значительно сложнее. Сохранение профиля не означает сохранения субъективного сознания, оно создает возможность воспроизведения некоторых закономерностей поведения личности. Эта возможность становится

тем основанием, на котором впоследствии строится концепция цифровой непрерывности личности.

Цифровой психический профиль следует рассматривать как новую категорию психиатрической науки, возникновение которой обусловлено не только развитием искусственного интеллекта, но и изменением самого объекта клинического наблюдения. Если психиатрия XX века изучала преимущественно состояние психики, то психиатрия XXI века получает возможность исследовать ее долговременную динамическую организацию. Это не отменяет значения классического психического статуса, а существенно расширяет его аналитические возможности. Переход от моментального описания к анализу непрерывной психической динамики открывает путь к формированию цифрового психического паспорта человека, который станет предметом дальнейших глав настоящей монографии.

6.2. Цифровой фенотип личности

Термин «цифровой фенотип» сравнительно недавно вошел в научный язык психиатрии и цифровой медицины. Первоначально он использовался для обозначения совокупности объективно регистрируемых цифровых данных, отражающих особенности повседневного поведения человека: двигательную активность, использование смартфона, параметры сна, географические перемещения, речевую активность, особенности коммуникации и другие показатели, которые могут служить косвенными маркерами психического состояния. Подобный подход оказался чрезвычайно продуктивным для раннего выявления изменений при аффективных, тревожных и психотических расстройствах, поскольку позволил перейти от эпизодического клинического обследования к непрерывному мониторингу поведения.

Подобное понимание цифрового фенотипа отражает лишь одну сторону проблемы. В существующих исследованиях цифровые данные рассматриваются главным образом как диагностические маркеры заболевания. Личность при этом остается фоном, на котором разворачиваются патологические процессы. Между тем стремительное развитие искусственного интеллекта и цифровых архивов ставит перед психиатрией значительно более широкий вопрос. Возможно ли рассматривать цифровой фенотип не только как инструмент диагностики, но и как форму существования самой личности в цифровой среде? Эта проблема становится предметом настоящего раздела.

Цифровая эпоха радикально расширяет объем подобных наблюдений. Практически каждое действие человека оставляет информационный след, который становится доступным длительному анализу. Особенности письменной речи, частота общения, структура социальных контактов, стиль аргументации, темп активности, предпочтения, способы поиска информации, характер реакции на стрессовые события и множество других цифровых проявлений постепенно складываются в устойчивую систему. Эта система, а не отдельные цифровые данные, представляется наиболее близкой к понятию цифрового фенотипа личности.

При этом цифровой фенотип не является цифровым двойником человека. Он представляет собой систему наблюдаемых закономерностей, а не внутреннюю психическую реальность. Между личностью и ее цифровым фенотипом сохраняется принципиальное различие. Человек способен изменять свое поведение, сознательно конструировать публичный образ, скрывать значимые переживания или, напротив, демонстрировать эмоциональные состояния, не соответствующие внутреннему опыту. Следовательно, цифровой фенотип всегда остается вероятностной моделью внешне проявленной психической организации, требующей критической интерпретации.

Появляется новая исследовательская гипотеза. Цифровой фенотип является тем уровнем организации информации, который делает возможным переход от цифрового архива к циф-

ровой реконструкции личности. Архив отвечает на вопрос, что человек делал. Психический профиль показывает, как изменялась его психическая жизнь во времени. Цифровой фенотип позволяет понять, каким человеком он обычно был в своих повседневных взаимодействиях с окружающим миром. Лишь сочетание этих трех уровней создает достаточную основу для построения устойчивой модели индивидуального поведения.

В ближайшие десятилетия понятие цифрового фенотипа будет постепенно выходить за пределы исключительно диагностических задач. Оно станет одним из центральных понятий психиатрии цифровой непрерывности личности, позволяя объединить клиническую психиатрию, когнитивную науку и исследования искусственного интеллекта в рамках единой исследовательской программы. В этом случае цифровой фенотип личности будет рассматриваться как внешняя цифровая организация индивидуальности, возникающая в процессе жизни человека и сохраняющаяся в качестве основы для ее последующей алгоритмической реконструкции. Такое понимание позволяет связать исследования цифровой медицины с новой научной проблемой, возникающей в эпоху искусственного интеллекта и цифрового продолжения личности.

6.3. Архитектура цифровой идентичности

После появления цифрового следа, формирования цифрового архива, построения психического профиля и выделения цифрового фенотипа возникает закономерный исследовательский вопрос. Достаточно ли этих компонентов для возникновения цифровой личности? Интуитивный ответ может показаться положительным. Если собрать максимально полную информацию о человеке и выявить закономерности его поведения, задача реконструкции личности представляется практически решенной. Подобное представление оказывается чрезмерно упрощенным. Совокупность данных еще не образует личность. Она создает лишь информационное пространство, внутри которого личность потенциально может быть смоделирована.

Психиатрическая практика давно сталкивается с аналогичной проблемой. Врач может располагать исчерпывающим анамнезом, результатами психологического обследования, данными нейровизуализации, сведениями о семейной истории, личностных особенностях и клинической симптоматике. Тем не менее окончательное понимание пациента возникает лишь тогда, когда все эти элементы начинают восприниматься как части единой психической организации. Клиническое мышление строится не на накоплении информации, а на выявлении структуры, связывающей разрозненные наблюдения в целостную систему. Аналогичный принцип должен лежать в основе понимания цифровой идентичности.

В этой связи цифровую идентичность следует рассматривать как многоуровневую систему. Первый уровень образуют наблюдаемые цифровые данные - тексты, изображения, голосовые записи, видеоматериалы, документы и другие информационные следы. Второй уровень представлен устойчивыми закономерностями поведения, составляющими цифровой фенотип личности. Третий уровень включает повторяющиеся способы интерпретации мира: систему ценностей, характерные стратегии принятия решений, типичные эмоциональные оценки и устойчивые модели социальных отношений. Взаимодействие этих уровней формирует то, что окружающие обычно воспринимают как индивидуальность конкретного человека.

Возникает и другое методологическое затруднение. Человеческая личность существует одновременно в различных социальных ролях. Один и тот же человек по-разному взаимодействует с детьми, супругом, коллегами, друзьями, пациентами или случайными собеседниками. Если цифровая реконструкция будет строиться лишь на одной сфере коммуникации, она неизбежно окажется фрагментарной. Архитектура цифровой идентичности должна интегрировать множество контекстов, сохраняя при этом внутреннее единство личности. Способность объ-

единять различные социальные роли в единую психологическую систему отличает целостную модель от набора отдельных поведенческих сценариев.

Проходит фундаментальная граница между цифровой моделью и живой личностью. Архитектура цифровой идентичности может воспроизводить организацию наблюдаемого поведения, но не способна подтвердить наличие субъективного переживания, самосознания или внутреннего опыта. Психологическая убедительность модели не должна отождествляться с продолжением сознания человека после смерти. Это различие имеет принципиальное значение не только для философии сознания, но и для клинической психиатрии. Чем более реалистичной становится цифровая реконструкция, тем выше вероятность того, что окружающие начнут бессознательно приписывать ей свойства живой личности. Архитектура цифровой идентичности требует не только технического совершенствования, но и четкого научного понимания собственных границ.

Архитектурный подход позволяет объединить все ранее рассмотренные элементы цифровой личности в единую исследовательскую модель. Цифровой след становится строительным материалом, цифровой архив - системой его хранения, психический профиль - описанием динамики психической жизни, цифровой фенотип - совокупностью устойчивых закономерностей поведения, а архитектура цифровой идентичности - принципом организации всех этих компонентов в целостную модель индивидуальности. Только после формирования такой архитектуры становится возможным обсуждение следующего этапа - цифровой реконструкции личности как нового объекта психиатрического исследования.

В этом, заключается главное изменение, которое приносит цифровая эпоха. На протяжении всей истории психиатрия стремилась понять внутреннюю архитектуру живой личности. XXI век впервые ставит перед наукой другую задачу - исследовать архитектуру ее цифровой репрезентации. Это не отменяет классического понимания личности и не подменяет его алгоритмической моделью. Напротив, глубокое понимание психологической организации человека становится необходимым условием для ответственного создания, анализа и клинической оценки цифровых реконструкций личности. Психиатрия впервые выходит за пределы традиционной диагностики и становится наукой, исследующей границы между биологической личностью, ее цифровой идентичностью и новыми формами психологического взаимодействия, возникающими в эпоху искусственного интеллекта.

6.4. Математическая модель личности

Попытки формализовать человеческую личность предпринимались задолго до появления искусственного интеллекта. Психометрические шкалы, факторный анализ, модели интеллекта, теория личностных черт, вероятностные модели принятия решений и методы машинного обучения исходили из общего предположения: отдельные закономерности психической жизни могут быть представлены в виде формальных структур. Вместе с тем практически ни одна из этих концепций не ставила перед собой задачу математического описания личности как целостной системы. Обычно моделировались отдельные характеристики - тревожность, когнитивные функции, темперамент, особенности принятия решений или социальное поведение. Возникает исследовательский вопрос: существует ли принципиальная возможность построения математической модели личности, не сводящей человека к набору изолированных параметров?

Ответ на этот вопрос требует уточнения самого предмета моделирования. Личность нельзя понимать как сумму психологических показателей. В клинической практике два человека могут иметь сходные результаты психометрических тестов, демонстрируя при этом принципиально различную организацию психической жизни. Один и тот же уровень тревоги,

импульсивности или эмоциональной лабильности приобретает различное значение в зависимости от структуры личности, жизненного опыта, характера привязанностей и системы ценностей. Следовательно, математическому описанию подлежат не столько отдельные признаки, сколько закономерности их взаимосвязи.

Это обстоятельство позволяет по-новому определить понятие математической модели личности. В настоящей монографии под ней понимается не цифровая копия человека и не попытка формализовать субъективное сознание. Речь идет о построении формальной модели устойчивых отношений между элементами психической организации. Такая модель должна описывать не содержание переживаний, а их структуру; не отдельные поступки, а принципы их возникновения; не случайные реакции, а вероятностную организацию поведения в различных жизненных обстоятельствах.

С точки зрения современной психиатрии подобный подход оказывается значительно ближе к клиническому мышлению, чем может показаться. Психиатр никогда не делает вывод о личности на основании единственного симптома. Диагностическое значение приобретают сочетания признаков, их динамика, взаимное влияние и особенности развития во времени. Фактически клиническое мышление уже сегодня строит сложную модель психической организации пациента, хотя эта модель существует преимущественно в форме профессионального опыта врача. Искусственный интеллект впервые создает возможность частичной формализации подобных закономерностей без утраты их системного характера.

Для психиатрии цифровой непрерывности личности данное различие приобретает особое значение. Если цифровая реконструкция строится на математической модели, врач должен понимать, какие элементы личности действительно реконструируются, а какие остаются недоступными алгоритмическому анализу. Это определяет как границы клинического применения подобных технологий, так и пределы их психологического воздействия на родственников умершего человека. Чем точнее осознаются ограничения модели, тем меньше вероятность того, что она будет восприниматься как продолжение самого человека.

Математическая модель личности станет одним из ключевых понятий психиатрии XXI века. Ее значение определяется не возможностью заменить клиническое понимание личности вычислительными методами. Напротив, глубокое психиатрическое знание должно определять принципы построения подобных моделей, их интерпретацию и границы допустимого использования. В этом заключается фундаментальный методологический вывод настоящей главы: математика не заменяет психологию личности, а становится новым языком описания отдельных закономерностей ее организации. На пересечении этих двух подходов возникает возможность создания научно обоснованных цифровых реконструкций личности, которые сохраняют уважение к сложности человеческой психики и не выходят за пределы того, что действительно подтверждается современным знанием.

6.5. Психпаспорт как основа цифрового продолжения личности

Все предыдущие разделы настоящей главы последовательно подводят к одному исследовательскому вопросу. Если современная наука действительно приближается к созданию цифровых реконструкций личности, каким должен быть исходный материал для их построения? На первый взгляд ответ кажется очевидным. Достаточно собрать максимально полный цифровой архив жизни человека, включающий фотографии, видеозаписи, переписку, публикации и другие информационные следы. Более внимательный анализ показывает, что подобного массива данных недостаточно. Архив позволяет реконструировать внешние проявления личности, но значительно хуже отражает внутреннюю организацию психической жизни. Следовательно, возникает необходимость в принципиально иной форме прижизненного описания личности.

История медицины неоднократно демонстрировала сходную закономерность. Развитие новых технологий неизбежно сопровождалось появлением новых способов документирования человека. Лабораторная диагностика потребовала стандартизированных биохимических показателей, лучевая диагностика - систем хранения медицинских изображений, генетика - молекулярных паспортов наследственной информации. Каждое технологическое расширение сопровождалось формированием новой формы систематизированного знания о человеке. Развитие искусственного интеллекта ставит перед психиатрией аналогичную задачу. Если цифровая реконструкция личности становится научно обсуждаемой возможностью, необходимо определить, какая психиатрическая информация должна быть сохранена еще при жизни.

Возникает закономерный вопрос: способен ли психический паспорт заменить человека? Ответ должен быть отрицательным. Ни одна форма описания личности, какой бы подробной она ни была, не тождественна самой личности. Психический паспорт сохраняет информацию о закономерностях психической организации, но не переносит субъективное сознание в цифровую среду. Его научная ценность заключается в другом. Он позволяет значительно уменьшить неизбежные потери информации, возникающие при любой попытке реконструкции человеческой индивидуальности. Следовательно, психический паспорт следует рассматривать как средство повышения достоверности цифровой модели, а не как механизм достижения цифрового бессмертия.

С клинической точки зрения подобный подход открывает новые перспективы. При жизни психический паспорт способен использоваться для персонализации психотерапии, оценки долгосрочной динамики психического состояния, планирования профилактических мероприятий и совершенствования клинической диагностики. После смерти его значение меняется. Он становится основным психиатрическим источником, позволяющим интерпретировать цифровой архив личности, отличать устойчивые особенности характера от случайных жизненных эпизодов и оценивать достоверность алгоритмической реконструкции. Один и тот же документ приобретает различные функции в зависимости от этапа жизненного пути человека.

Возникает серьезная этическая проблема. Если психический паспорт становится основой цифровой реконструкции личности, необходимо определить границы его использования. Кто имеет право создавать подобный документ? Кому принадлежит содержащаяся в нем информация? Может ли человек при жизни ограничить способы ее применения после собственной смерти? Должен ли психический паспорт включать только данные, добровольно предоставленные самим человеком, или допустимо использование информации, собранной из цифровой среды? Эти вопросы выходят далеко за пределы традиционной медицинской документации и становятся предметом совместного обсуждения психиатрии, права, биоэтики и информационной безопасности.

Психический паспорт следует рассматривать как основу цифрового продолжения личности. Не потому, что он обеспечивает сохранение сознания или создает цифрового двойника человека, а потому, что он систематизирует те закономерности психической организации, без которых любая реконструкция личности неизбежно останется поверхностной. По существу, он становится своеобразным мостом между клинической психиатрией, психологией личности и технологиями искусственного интеллекта. Этот мост соединяет две эпохи: психиатрию, изучавшую человека исключительно при жизни, и психиатрию цифровой непрерывности личности, которой предстоит исследовать психологические последствия взаимодействия с его алгоритмической реконструкцией после смерти.

Глава 7. Технологии цифрового продолжения личности

7.1. Большие языковые модели

История цифровых технологий долгое время развивалась по пути накопления информации. Компьютеры постепенно научились хранить тексты, фотографии, видеозаписи, аудиоматериалы и практически неограниченные массивы данных о человеческой жизни. Все эти достижения сохраняли одну принципиальную особенность. Информация оставалась пассивной. Архив можно было открыть, просмотреть, скопировать или проанализировать, но он не вступал в самостоятельное взаимодействие с человеком. Даже наиболее полные цифровые коллекции не меняли фундаментального психологического опыта утраты. Они сохраняли память, но не создавали впечатления продолжающегося общения.

Возникает закономерный вопрос: почему большие языковые модели становятся центральной технологией цифрового продолжения личности? Ответ заключается не в их универсальности, а в характере человеческого общения. Большая часть психологических отношений строится посредством языка. Через речь человек выражает эмоции, объясняет собственные поступки, передает жизненный опыт, поддерживает близких, разрешает конфликты, формирует доверие и сохраняет привязанности. Если технология способна воспроизводить индивидуальные закономерности речевого взаимодействия, она неизбежно начинает восприниматься как значительно более личностная, чем любые предшествующие формы цифровой памяти.

Тем не менее язык оказывается тем уровнем, на котором психологическая идентичность наиболее легко распознается окружающими людьми. Родственники нередко узнают близкого человека по характерным выражениям, любимым словам, особенностям юмора, способу объяснять события или строить аргументацию. Искусственный интеллект способен воспроизводить подобные закономерности с высокой степенью правдоподобия, особенно если обучение модели основано на значительном объеме индивидуальных текстов и других цифровых материалов. Субъективное ощущение общения возникает значительно раньше, чем создается полноценная цифровая реконструкция личности.

С точки зрения психиатрии особое значение приобретает еще одно обстоятельство. Большая языковая модель впервые становится активным участником психологического взаимодействия. Она способна задавать уточняющие вопросы, поддерживать длительный разговор, адаптировать стиль общения к собеседнику и учитывать предшествующий контекст беседы. Для переживающего утрату человека подобное взаимодействие может приобретать выраженное эмоциональное значение независимо от того, осознает ли он алгоритмическую природу системы. Следовательно, объектом психиатрического исследования становится уже не технология сама по себе, а психологические последствия длительного взаимодействия человека с интеллектуальной языковой моделью, воспроизводящей особенности личности умершего.

Возникает новая исследовательская проблема. Если цифровая модель начинает формировать новые ответы, которых человек никогда не произносил при жизни, где проходит граница между реконструкцией личности и созданием нового субъекта коммуникации? С одной стороны, ответы строятся на основании индивидуальных закономерностей речи, ценностей и поведения конкретного человека. С другой - каждая новая ситуация требует генерации текста, который никогда ранее не существовал. Следовательно, цифровая модель одновременно сохраняет элементы личности и неизбежно выходит за пределы ее исторического опыта. Эта особенность делает большие языковые модели не просто инструментом воспроизведения памяти,

а источником принципиально нового феномена, требующего самостоятельного психиатрического анализа.

Большие языковые модели становятся первой технологией, создающей условия для возникновения цифровой непрерывности личности. Их значение определяется не способностью заменить человека и не возможностью воспроизвести сознание после смерти. Они впервые позволяют поддерживать осмысленный, динамический и контекстуально связанный диалог на основе индивидуальных закономерностей конкретной личности. Тем самым психиатрия получает качественно новый объект исследования: не архив умершего человека, а продолжающееся психологическое взаимодействие живого человека с алгоритмической моделью его речевой и поведенческой организации. Этот феномен открывает новую эпоху в изучении утраты, памяти и человеческой идентичности.

7.2. Синтез речи

Возникает исследовательский вопрос: почему голос обладает столь выраженным психологическим воздействием? Если рассматривать его исключительно как акустический сигнал, подобный эффект оказывается трудно объяснимым. Между тем в реальной клинической практике психиатр постоянно наблюдает, что интонация пациента нередко сообщает о его внутреннем состоянии не меньше, чем содержание высказываний. Изменения темпа речи, характера пауз, мелодики, эмоциональной окраски, громкости, дыхательных особенностей и множества других акустических характеристик становятся частью психопатологического анализа. Следовательно, голос представляет собой не простое средство передачи информации, а сложную систему выражения психической деятельности.

Человеческая память формирует устойчивые голосовые образы значимых людей. После многих лет совместной жизни родственники безошибочно узнают голос близкого человека даже при низком качестве телефонной связи или значительных акустических помехах. Более того, узнавание часто происходит еще до осознания содержания произнесенных слов. Это свидетельствует о том, что голос кодируется мозгом как самостоятельная характеристика личности, тесно связанная с эмоциональной памятью, системой привязанности и опытом многолетнего общения.

С психиатрической точки зрения возникает качественно новый феномен. На протяжении всей истории человечества после смерти человека его голос постепенно исчезал из повседневной жизни. Даже появление звукозаписи не изменило этого обстоятельства принципиально. Архивная запись позволяла услышать уже сказанные слова, но не поддерживала нового взаимодействия. Синтез речи впервые разрушает данную закономерность. Голос умершего человека начинает произносить фразы, которых никогда не существовало при его жизни. Следовательно, объектом психологического восприятия становится не воспоминание о голосе, а продолжающееся голосовое общение.

Это обстоятельство может существенно изменить психологию переживания утраты. Клинические наблюдения давно показывают, что голос занимает особое место в системе эмоциональной памяти. Многие пациенты спустя годы после смерти близкого человека испытывают страх забыть его звучание. Исчезновение голосового образа нередко воспринимается как вторичная утрата, сопровождающая естественное угасание памяти. Технологии потенциально устраняют этот процесс, позволяя сохранять голос практически неограниченное время. Одновременно возникает новый вопрос: каким образом постоянное сохранение голосового присутствия будет влиять на адаптацию психики к смерти?

Подобное сочетание неизбежно ставит перед психиатрией новые диагностические задачи. Представим пациента, ежедневно прослушивающего архивные записи голоса умершей

матери. В другом случае человек регулярно ведет длительные беседы с системой, которая отвечает новыми фразами голосом матери, воспроизводя характерные интонации и стиль общения. Внешне оба пациента сохраняют связь с одним и тем же голосом. Психологическая природа этих процессов принципиально различна. Первый случай относится к взаимодействию с памятью, второй - к взаимодействию с алгоритмической моделью, способной активно участвовать в коммуникации. Это различие, по-видимому, станет одним из ключевых объектов будущих клинических исследований.

Не менее важной представляется проблема формирования эмоциональной привязанности. Голос является одним из наиболее ранних стимулов, участвующих в развитии человеческой привязанности. Уже в младенческом возрасте ребенок начинает различать голос матери задолго до формирования сложных когнитивных представлений о личности. В зрелом возрасте этот механизм продолжает выполнять важную психологическую функцию, обеспечивая чувство безопасности, узнавания и эмоциональной близости. Если технологии искусственного интеллекта начинают воспроизводить голос умершего человека с высокой степенью достоверности, они потенциально воздействуют не только на память, но и на глубинные механизмы привязанности. Оценка подобных технологий не может ограничиваться анализом их технических характеристик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.